

Нож-саторез

повесть-сказка

Иван НИКОЛАЕВ

г. Петрозаводск

Текст в авторской редакции

1

Митька выглянул из-за стены крепости, выискивая взглядом Ваську. Снежок прилетел ему прямо в лоб и разлетелся на мелкие кусочки. Смеялся Васька, смеялась Сонька, смеялся и сам Митька. Изотров валил пар. Ребята были румяные и весёлые, все в снегу. Снег попал везде — за воротники, на шапки, за голенища валенок.

Солнце последними своими лучами подкрашивало красным многочисленные дымы из печных труб, снег на крышах посадских изб, высокие купеческие и боярские терема, купола церквей и башни кремля.

— Кто тут ученик починщика Николая Ивановича? — прозвучал негромкий, но грубый и хриплый голос.

Только сейчас Митька заметил лошадь и возок, остановившийся возле снежной крепости, которую они с Васькой построили на крутом берегу реки.

— Я! — Митька пролез через лаз, скользнул по склону на укрытый снегом речной лёд, очутился перед возком. Конь равнодушно взглянул на мальчика, фыркнув, пожевал удила.

— Вот, передай, — из возка высунулась рука и вручила Митьке свёрток из мешковины, перевязанный верёвочкой.

Внутри свёртка ощущалось что-то небольшое и твёрдое.

— Ага! Передам, — пообещал Митька.

— Так не стой, беги!

— Я сейчас! — крикнул Митька Соньке и Ваське и побежал к дому.

— Вот! — Запыхавшийся Митька протянул свёрток мастеру.

— Что это?

Николай Иванович отличался высоким ростом и худобой. Седеющие волосы и бороду содержал в идеальном порядке, для че-

го три раза в месяц ходил к брадобрею. Дома одевался просто: чёрные штаны заправлял в мягкие домашние белые валенки, из-под накинута на плечи меховой жилетки синела сорочка.

— Просили передать, — Митьке не терпелось поскорее расстаться со свёртком и успеть ещё поиграть с друзьями, пока солнце не село.

— Кто просил передать? — Николай Иванович не торопился брать в руки свёрток. Наоборот, он развернулся и шагнул к каменному столику у окна горницы.

Каменный столик не весь был каменный, а только верхняя его часть — гладкая мраморная, бело-серая с красноватыми вкраплениями столешница. Всё остальное — самое обычное, деревянное. По сторонам от столика стояли скамеечки. Николай Иванович сел и кивнул Митьке:

— Ну, давай выкладывай.

Митька вздохнул тяжело (снег в валенках и за воротом начал таять) и всё же присел напротив учителя, положив свёрток на столик. Затем он развязал верёвочку и развернул посылку. Из неё на мраморную поверхность выпал нож без ножен.

— Так! — Николай Иванович взял лежавшее рядом на полке увеличительное стекло и некоторое время рассматривал нож, но по-прежнему не прикасался к нему. — С тобой играли Софья и Василий? — вдруг спросил он.

— Да.

— Сиди, жди меня. Нож не трогай, — Николай Иванович встал и направился к двери. — Я скоро приду.

Дверь хлопнула, Митька услышал торопливые шаги учителя вниз по ступеням и звяканье ключей на его поясе. Митькин взгляд от скуки блуждал по стенам горницы.

Комната, в которой работал Николай Иванович, называлась кабинетом. Два окна, печка с изразцами, лавки вдоль стен, скамейки, светцы по углам, полка с книгами, письменный стол, кресло, три обшитых медным листом сундука да ещё вот этот каменный столик. На одной из лавок — денежный ящик, плоский, его удобно положить под голову, когда спишь. На печи всегда сохли берёзовые поленья, Николай Иванович запрещал класть их в огонь. На письменном столе аккуратно разложены тетради с записями,

среди которых возвышались тяжёлый латунный письменный прибор с гусиными перьями и лакированный ящик с инструментами, а ещё стоял подсвечник на три свечи да светец — железная вилка, воткнутая нижним острым концом в берёзовый чурбачок. Правду сказать, Митька никогда не видел, чтобы Николай Иванович зажигал на столе лучину. Слева от двери на вбитой в стену деревянной свайке висела длинноствольная красавица пищаль с изящным прикладом, покрытым искусной резьбой. А рядом с ней ждала своего часа кожаная, подшитая красным бархатом перевязь с пулями и порохом, которую Николай Иванович называл берендейкой. Поверх перевязи висела ещё кожаная сума с огнeприпасами, пыжами, фитилями и прочими принадлежностями для стрельбы.

Митька пригляделся к принесенному ножу. На вид — ничего особенного. Блестящий полированный клинок не длиннее его, Митькиной, ладони да рукоять из рога. Конец рукояти закрыт латунным шариком. Таким ножом даже лучину шепать неудобно — коротковат. А на торгу Митька видел ножи красивее — с наборными рукоятками, с золочёной гардой, в изящных ножнах на узком кожаном ремешке или на цепочке, чтобы на шею вешать.

Николай Иванович считался хорошим масте-ром. Он единственный в Кемгороде умел чинить всякие волшебные предметы. И не только в Кемгороде, бывало из Каргополя к нему приезжали, и даже из Пскова, и из прочих разных мест. Каких только людей Митька не насмотрелся за время своего ученичества. Приходит заказчик — Николай Иванович первым делом просит положить волшебную вещицу на каменный столик, рассмотрит её, а уж после выспрашивает — что да как, где сломалось. Некоторым отказывал. А когда сговорятся, заказчик уйдет, достанет Николай Иванович из расшитого мешочка свои камешки, тоже волшебные, и начнёт их вокруг неисправной вещицы раскладывать — поломку ищет. Каждый заказ он хранил в отдельном сундуке, прикрученном к полу, обитом медью и закрытом на три тяжёлых замка. Таких сундуков в кабинете стояло три. По этой или по какой другой причине больше трёх заказов одновременно он не брал.

В комнату вошла Наталья Тимофеевна с мокрой тряпкой в руке:

— Что тут у вас случилось?

— Ничего, Наталья Тимофеевна, — спокойно ответил Митька.

— А почему Николай Иванович на улицу бросился бежать так, что шапку позабыл? Ты-то, господи, пойди шубу сними да валенки на печку положи, вон — лужа на полу. Это что за ножик такой? — кивнула она на незнакомую вещицу.

— Николай Иванович не велел трогать. Велел мне тут сидеть.

— Да не трону я. У меня другие заботы, — махнула рукой она.

Наталья Тимофеевна дожила до такого возраста, когда женщину старухой назвать ещё нельзя, но и сказать, что она не старуха, тоже язык не поворачивается. Она служила у Николая Ивановича ключницей — вела хозяйство, к Митьке благоволила, зимой и летом кутала плечи в пуховый платок.

Наталья Тимофеевна стала убирать тряпкой пыль, где нужно было. Тем временем Николай Иванович влетел в кабинет, смахивая с волос не успевшие ещё растаять снежинки.

— Не видела Софочка, не видел и Васечка этого дяденьку в возке. И ты его тоже не разглядел. Правильно я говорю? — Мастер взял с полки старинную книгу, уселся в кресло, поклонявил пальцы и стал перелистывать страницы.

— Угу, — согласился Митька.

— Так, так. Вот оно. Слушай! — Николай Иванович повернул книгу к свету от окна. — «Нож-саморез работы флорентийского мастера по прозвищу Маниако Феррари отличается простыми формами. Клинок колюще-режущий длиной три с половиной дюйма выполнен из стали, рецепт которой Маниако Феррари унёс в могилу. Обух клинка прямой, острие расположено на одной линии с обухом. Дол длиной полтора дюйма. Лезвие закругленное. На пяте с двух сторон клеймо в форме лилии. Гарда отсутствует. Рукоять выполнена из рога оленя, обладает свойством менять оттенок в зависимости от освещения. На заднюю часть рукояти надет латунный венец округлой формы. Волшебное свойство ножа заключается в том, что он убивает своего хозяина, когда хозяин спит. Нож снабжён

волшебными ножнами, автор которых неизвестен. Нож в волшебных ножнах безопасен для хозяина». — Николай Иванович закрыл книгу, откинулся в кресле и поинтересовался. — Ну как, Митя, подходит нож под это описание?

— А что такое «дол»?

— Продолговатая выемка на клинке.

— Тогда всё совпадает, — согласился Митька, — кроме ножен. Ножен-то нет!

Наталья Тимофеевна, которая до этого делала вид, что тщательно протирает тряпкой оконные стёкла, повернулась и, не обращая ни к кому, удивленно спросила:

— И кто же хозяин этого ножа?

— Кто-кто? Митя наш, — невозмутимо ответил мастер.

Ключница всплеснула руками: «Ох!» и села на лавку, вопросительно глядя то на Митьку, то на Николая Ивановича.

2

— Зарежет ведь! Зарежет! — запричитала Наталья Тимофеевна. — Это всё в Европах ихних такие изуверские вещи делают! Басурмане! Ты уж придумай чего-нибудь супротив этого, Иваныч! А? Придумаешь?

Николай Иванович сидел в кресле и вертел в руках увеличительное стекло.

— Иваныч! Давай выбросим этот ножик. — Не дождавшись ответа, Наталья Тимофеевна сама стала искать решение задачи. — Махнуть на Бело озеро, пропешать дырку во льду да и опустить его туда. Никто уже никогда не найдет. Позову Прохора, пусть запрягает Зорьку.

— Нельзя его утопить, Наталья Тимофеевна, — задумчиво ответил Николай Иванович.

— То есть как это — нельзя? — всплеснула руками ключница. — Он что ж — не железный? Чай не всплывёт!

— Нельзя его выбросить, — сосредоточенно повторил Николай Иванович. — Он вернётся. Многие пробовали уже — никому не удалось. Ты думаешь, одна такая умная? Нет. Умные вон мальцу всучили, с себя неминуемую смерть сняли, а сами теперь тихо радуются да, наверно, кисели попивают. И поди узнай, кто такие!

Посидели молча.

— Давеча-то в Покровском на церкви вороны всей стаей на крест уселись. Так крест-то и покосился, совсем набок склонился — вот-вот упадёт. Это ж знак плохой свыше нам дан! Все теперь об этом только и говорят, — затараторила Наталья Тимофеевна. — Вот с Мити-то и началось!

Митька сидел тихонько, как мышка, — не знал, что и делать. Он неосторожно взял у незнакомца свёрток неизвестно с чем, а теперь, оказывается, это неизвестно что может его убить во сне. «А если попробовать не спать? Сколько можно не спать? Ночь? Две? Три?..» — соображал испуганный Митька.

— Иваныч! — не унималась беспокойная ключница. — А если пойти попросить кузнеца перековать ножик, а? В подкову, а?.. — осенило ее.

Николай Иванович посмотрел на старуху добрым взглядом, улыбнулся самыми уголками рта и начал:

— Пошел тогда волк к кузнецу, и тот перековал ему голос из грубого волчьего в тонкий козий. Ты, Наталья Тимофеевна, головой-то подумай: у нас тут не сказки, у нас всё серьёзно. Как бы ты пришла к кузнецу, например к дяде Васе, и отдала бы ему этот ножик, зная, что как только кузнец заснёт, так ему и конец?

— Так нешто я бы ему не сказала? — всплеснула руками Тимофеевна. — Сказала бы!

Мастер снова усмехнулся:

— Не сомневаюсь. А дядя Вася бы как обрадовался и у тебя ножик сразу — хватать!

Наталья Тимофеевна шмыгнула носом, сморщилась, достала из кармана льняной лоскут и принялась вытирать им слезу.

Николай Иванович между тем продолжал:

— Вот взял бы у тебя дядя Вася ножик. А что бы ты утром его деткам сказала? У него их пятеро. Кто теперь их кормить будет, а?

— Не знаю! — заплакала Наталья Тимофеевна. — Как поступить — не знаю! Ты у нас умный, вот и думай.

— А чего тут думать-то? — Николай Иванович подошел к столу и взял в руки нож. Осторожно потрогал большим пальцем лезвие. — Ну вот, теперь я стал хозяином этого самореза. Будем меняться. Кто не спит — того и нож. Договорились, Митя?

— Ага! — Митька, испугавшийся было, разом повеселел. Дядя Коля головастый, в обиду не даст.

Николай Иванович вернулся обратно в кресло, положил ножик на стол, посмотрел на Митьку.

— А скажи-ка мне, Митя, что необычного или интересного случилось в твоей жизни за последние дни?

Митька, растерявшись, призадумался: вроде ничего необычного не происходило.

— Ну, может, встретил кого? — участливо подказала Наталья Тимофеевна.

— Позавчера татары приехали, шатры на пустыре поставили... — вспомнил Митя. — Мы с Васькой и Сонькой к ним ходили вчера.

— И что татары?.. — пытал мастер.

— Ничего. Баранину варили. Нам по куску дали.

— А я-то думала, чего ты за ужином так плохо пироги ел? — догадалась Наталья Тимофеевна. — А ты, оказывается, в гости ходил!

— По какому делу татары пожаловали? — поинтересовался Николай Иванович.

— Там у них есть татарин молодой, — ответил Митя, сжимая в руках еще мокрую от снега шапку. — Свататься к кому-то приехал. Я не понял — к кому. Сонька с ними разговаривала.

— Понятно теперь, зачем он монисту приносил, — буркнул под нос Николай Иванович.

— Уж не за Семёна ли Васильевича доченьку Иринишку?! — Наталья Тимофеевна ахнула. — Час от часу не легче! Бабы в церкви сказывали, что свататься к ней едет царевич красоты неопикуемой. Ан поди ж ты — татарин!

Дверь отворилась. В кабинет вошел работник с охапкой дров. Митьке Прохор не нравился: обычно хмурый, неразговорчивый, не душевный, не такой, как ключница, держал себя особняком. Даже за столом садился с краю, подальше от Николая Ивановича. Любую работу выполнял без огонька, как бы нехотя, но исправно.

— А ты думала, — с порога пробасил Прохор, — царевичи только в ихних Европах бывают?

— Подслушивал, окаянный! — всполошилась Наталья Тимофеевна, укоризненно качая головой.

Николай Иванович негромко засмеялся.

— Наталья Тимофеевна! — окликнул он.

– Да?

– Иди на стол собери. Стемнело уже. Мите рано вставать – лучину щепать. А я ещё поработаю.

Было бы неправдой сказать, что Митьке после всего произошедшего легко засыпалось и крепко спалось. Он долго ворочался, думал про татар, про княжну Ирину, про возок и руку, вручавшую ему свёрток с ножом, про Прохора, который подслушивал. И уже когда глаза его стали закрываться, а сон укутывал своим мягким одеялом, на улице вдруг что-то бабахнуло – наверно, стрелецкая пищаль. Залаяли собаки. Особенно громко и басовито гавкал Полкан во дворе. По льду реки простучали копыта нескольких лошадей. Через некоторое время проскакали ещё, всадники громко кричали, ругались.

3

Накануне всех этих событий к Николаю Ивановичу приходила заказчица – женщина известная в Кемгороде, вдова купца Матрёна Андреевна.

Колдовской угол в Кемгороде считался хорошим местом. Слово-то какое интересное – «нехорошее»! Вроде как и не плохое, но и не хорошее. Не то чтобы обитатели Колдовского угла пользовались дурной славой – нет, просто суеверие иногда брало верх над разумом и приличиями и некоторые прохожие, бывало, останавливались и потрясали кулаком, а то и плевали в сторону Колдовского угла, называли здешних обитателей «злыми колдунами». А всё потому, что легче лёгкого свалить свои неприятности на колдунов, мол, они во всём виноваты. Никто близко к Колдовскому углу избы не строил – на всякий случай. Поэтому с трех сторон его окружали пустыри, а с четвертой – река Кема. Чтобы взять да и прийти сюда, обычному человеку требовалась некоторая смелость или же крайняя необходимость.

По соседству с домом Николая Ивановича жили Аарон Соломонович и Циля Хаимовна, содержавшие постоялый двор. Их дочь Сонька дружила с Митькой и Васькой.

Во втором ряду домов, сразу за постоялым

двором, стояла избушка тёти Мани, сухонькой старушки, к которой обращались, если появлялась нужда вывести бородавку или приворожить парня. Кемгородцы считали тётю Маню хорошей колдуньей, и нужды она не знала.

Дом Мирона Сергеевича и Оксаны Зотовны, Васькиных родителей, был отстроен заново года три назад и выглядел новым. Оксана Зотовна колдовских талантов не имела, а вот Мирон Сергеевич умел общаться с усопшими. Иногда кто-нибудь заходил к нему спросить совета у предков.

Купчиха Матрёна Андреевна имела немалое состояние, восхищала мужчин своей внешностью и нарядами и уже несколько лет жила без мужа. Разговоров вокруг неё ходило множество. Бабы судачили о том, кто в очередной раз к ней сватался, да получил отказ.

И вот теперь эта самая Матрёна Андреевна, вся в золоте и слезах, примчалась к Николаю Ивановичу на тройке и стала умолять его отремонтировать разбитое зеркальце.

– Сам подарил да сам и разбил! – то и дело приговаривала она.

Слёзы – градом, голос срывается на визг.

Любопытная Наталья Тимофеевна, которая подметала рассыпавшуюся золу возле печи, как бы невзначай обронила:

– Да кто разбил-то?

Тут Матрёна Андреевна взяла себя в руки, утёрла слёзы надушенным кружевным платочком, положила на столик рядом с разбитым зеркальцем шелковый кошелёк, туго набитый монетами, и сказала:

– Сделаете, Николай Иванович, ещё вдвое добавлю, – встала и, гордо подняв голову, вышла.

Митьке хотелось узнать, золото в кошельке или серебро. Однако Николай Иванович подхватил его и, не развязывая, опустил в денежный ящик.

В этот день Митька впервые увидел стеклянное зеркало – горожанки обычно смотрелись в гладкую серебряную или медную пластину, а в его родной деревне и вовсе пользовались ведром с водой. Прямоугольное зеркало купчихи размером с две ладони крепилось в дорожной и очень красивой серебряной оправе с витиеватой ручкой. Оправа сама по себе являла

немалую ценность. Стекло всё покрылось трещинами, а некоторые мелкие кусочки и вовсе выпали.

Николай Иванович разложил вокруг зеркала свои белые камешки. Камешки светились.

— Действительно волшебное. Не подделка, — прошептал он и окликнул: — Митя, подойди-ка!

Митька приблизился и заглянул через плечо мастера.

— Поддай инструменты.

Уже через мгновение ящичек с письменного стола переместился на каменный столик.

— Вот сейчас и узнаем, — сказал Николай Иванович, растягивая слова, — поможем мы Матрёне Андреевне скоро или придётся хорошо и долго подумать.

Он сложил свои камешки в мешочек, достал из ящика тонкую острую железку (Митька помнил название — «ланцет»), стал выковыривать осколки зеркала, раскладывая их на каменном столике осколок к осколку в том же порядке, как в оправе.

Под зеркалом, как оказалось, в оправу был аккуратно вставлен плоский гладко отшлифованный кусок дерева с вырезанным на нём затейливым узором. Николай Иванович погладил дерево большим пальцем, посмотрел на узор через увеличительное стекло, покачал головой.

— Подержи, — протянул оправу Митьке.

Вновь достал мешочек, разложил камешки вокруг зеркала. На этот раз камешки не светились.

— Видишь? Зеркало-то самое обычное. А теперь дай-ка оправу!

Оправа легла на столик. Камешки разместились вокруг и стали излучать приятный мягкий свет.

— Беги, Митя, в Стекольный угол к мастеру Даниле Романовичу! Спроси, когда он изволит меня принять, — велел мастер мальчику, а потом погрузился в размышления.

Данила Романович выслушал запыхавшегося Митьку, что-то прикинул в уме и ответил:

— Передай Николай Ивановичу, чтобы послезавтра утром приходил.

В назначенный день с утра оба невыспавши-

еся — Николай Иванович и Митька — отправились к стекольных дел мастеру Даниле Романовичу, прихватив с собой зеркало. Ночью Николай Иванович, пока его очередь была бодрствовать, сделал из куска кожи простенькие ножны, и теперь страшный нож спокойно висел у Митьки на шее.

Весь изукрашенный резьбой, дом Данилы Романовича располагался среди прочих богатых домов недалеко от кремля на Кемской улице — самой длинной улице в городе, идущей вдоль реки и повторяющей все речные изгибы. Не только бояре, но и сам князь покупали стекло у Данилы Романовича.

Николая Ивановича хозяин усадил на лавку, а Митьку — на скамью. Хозяйка принесла кружки с горячим клюквенным киселём и тарелку с калитками.

— Слышал ли ты, Николай Иванович, нашу последнюю новость? — Лицо Данилы Романовича было круглым, как полная луна, глаза — узкие, а губы — толстые. Он чуть наклонился и громким шепотом, который наверняка слышали и за пределами горницы, сообщил: — Ночью-то разбойнички освободили колодников из темницы да с собой увели.

— Как из темницы? — удивился Николай Иванович. — Она ж в кремле!

— В том-то и дело! — Данила Романович округлил глаза. — Никто не знает, как они мимо стрельцов туда прошмыгнули да как обратно с колодниками вышли. Хватились, когда они в саях по Кеме понеслись. Говорят, без колдовства тут не обошлось.

— Странное дело, — согласился Николай Иванович.

— Уж как есть — странное. Тут на днях вороны на Покровской церкви крест свалили, не к добру это. Ох, не к добру! К вам-то в угол не приходили спрашивать?

— Не приходили, — Николай Иванович покачал головой. — Но, я чувствую, придут. Однако, любезный Данила Романович, моей вины в ночных делах никакой нет. Выстрел ночью слышал, топот конский тоже слышал, а больше ничего сказать не могу — не знаю.

Данила Романович подвинулся на лавке ближе к гостю и спросил:

— Чем же я могу тебе помочь, Николай Иванович?

— Зеркальце разбилось волшебное. Просят отремонтировать, — Николай Иванович достал из свёртка оправу, протянул её хозяину. — Вот в этой оправе зеркало и стояло. Ты, Данила Романович, нашел бы замену!

— Да где ж я тебе волшебное зеркало-то возьму? — Данила Романович испуганно отпрянул. — Нет, это не моё дело. Этому мы не обучены. Это ты сам как-нибудь.

— Успокойся, дорогой друг, — Николай Иванович ободряюще улыбнулся. — Не надо мне волшебного зеркала, найди обычное — мурановское, но чтобы в эту оправу входило. Сними-ка мерку.

— Мурановское? — Данила Романович облегченно вздохнул. — Это мы можем. Приходи завтра.

— Сколько?

— Два рубля.

«Два рубля!» Митька, которому доводилось слышать о ценах не больше нескольких алтын, удивленно посмотрел на учителя. Два рубля — вот это цена! Митька не надеялся вообще когда-нибудь такие деньжищи увидеть, не то что в руках подержать.

— Золотом? — подмигнул Николай Иванович приятелю.

Тот довольно кивнул:

— Золотом.

«Золотом! Вот это да!» — мысленно воскликнул Митька.

— Договорились, — Николай Иванович поднялся, поклонился Даниле Романовичу. — Добрый кисель твоя хозяйка варит.

— О! Она ещё и не такое умеет. — Данила Романович расплылся в улыбке во всю ширину своего круглого лица. Но затем вдруг изобразил на лице испуг и взволнованно сообщил: — А ещё-то что говорят! Слышал ли? Великий князь на нас войной идёт. Грозится Кемгород сжечь дотла, чтобы, говорят, даже памяти о нём не осталось. Силу собрал большую. В Белозерске ждёт пополнений. Там уже полки и московские, и ярославские, и устюженские. Обозы большие с ними. Кто овсом торгует — сейчас барыши хорошие имеет. Скоро сюда нагрянут. Не отбиться! Кроушки много прольется. Ох, много!..

— Слышал такие разговоры, — невозмутимо проговорил Николай Иванович.

И Митьке тоже доводилось слышать. Мужики и бабы частенько стали поминать недобрым словом возможную войну. Никто, правда, не мог назвать причину этой распри. Одни говорили, что якобы московские купцы недовольны здешней тамгой, другие — что великий князь хочет Кемский удел под себя забрать, третьи — что Каргополь уже несколько лет подати в Москву не отправляет, а путь к нему лежит по Кеме. Короче, разговоров ходило много.

— Уже неделя, как ни одного купца с юга не прибыло. Значит, не пускают их воеводы тамошние, — продолжал Данила Романович. И вдруг спросил: — Ты пищаль-то свою давно чистил?

— Пищаль моя всегда готова к бою, Данила Романович, — заверил гость. — Князь позовёт — пойду воевать.

Данила Романович склонился к мастеру и тревожно, с присвистом зашептал:

— Может, знаешь слово волшебное или заговор, или колдовство такое, чтобы войны не случилось? А, Николай Иванович? Ты же у нас того...

— Чего? — недоуменно поднял бровь Николай Иванович.

— Разбираешься во всех этих делах. Покумейкай! А?

— Данила Романович, нет такого волшебства, чтобы войну отворотить. Сам подумай, неужели я, если бы мог, не предпринял бы ничего!

А Митька вспомнил, как несколько дней назад Николай Иванович Наталье Тимофеевне сказал: «И колдовство в нашем княжестве не поощряется!..»

— Тогда деньги вперёд! Два-то рубля, — быстро выпалил торговец стеклом.

— Нет, Данила Романович. Ты мне — зеркало, я тебе — деньги, в тот же миг, — твёрдо остановил его мастер.

На том и расстались.

4

Обратно шли по льду реки, это позволяло срезать речную излучину, и путь становился короче. Митька оглядывался на кремль, на

башни и ворота, на стрелецкие дозоры. Деревянные стены и башни кремля нависали над крутым берегом.

Прямо на льду городовики, которые легко унавались по коротким до колен серым кафтанам, стучали топорами, жужжали пилами, звякали цепями. Тут же стояло множество новых саней, лежали кучи свежих толстых досок. «Гуляй-город делают», — догадался Митька.

«Самый большой кремль в Новгороде!» — уверенно заявила Сонька прошлым летом. Соньке можно было верить. Её родители, Аарон Соломонович и Циля Хаимовна, владели постоянным двором в Колдовском углу, и многие торговцы, паломники и всякие прочие, зачастую — тёмные, личности останавливались у них на ночь на две, а то и дольше, и рассказывали иногда о дальних краях. Детям Аарона Соломоновича и Циля Хаимовны и друзьям детей не возбранялось при сём присутствовать и задавать вопросы.

Митьке, однако, доводилось слышать, что и в Белозерске крепость очень даже не маленькая. И что один только вал, на котором она стоит, выше кемгородской крепости и вала вместе взятых. «Белозёрам великий князь денег много дал, — рассуждала Сонька. — А нам бы дал, так и мы такой же кремль построили. Можно подрядиться лес заготовливать, землю возить да срубы складывать».

Обратно от Данилы Романовича шагалось быстрее. Тонкий слой снега слегка припорошил хорошо укатанную дорогу, по которой за эту зиму прошли многочисленные санные поезда с маслом, рыбой, солью, мёдом, зерном и прочими товарами. Когда стал виден Колдовской угол, от домов отделились две чёрные точки, скатились с берега на лёд. Вскоре Митька разглядел Сонькиных младших братьев — Мишку и Яшку.

— Дядя Коля, дядя Коля! Там к вам стрельцы понаехали! Мама велела сказать! — кричали они издалека.

— Бегите домой! — махнул им рукой Николай Иванович. — Передайте маме, что дядя Коля ей благодарен.

— Передадим! — Мишка и Яшка умчались обратно.

— Видишь, Митя, какая жизнь начинается весёлая! Пойдём со стрельцами познакомимся! — Николай Иванович продолжал двигаться прежним размеренным шагом.

Ворота во двор оказались приоткрыты. У ворот стояли запряженные сани. Полкан не переставая лаял и звенел цепью. Стрельцы — человек десять — стояли возле резного крыльца, о чём-то разговаривали. Прохор, не обращая на них внимания, колот дрова.

— Полкан, сядь, замолкни! — Пёс угомонился и ушел в конуру, а Николай Иванович остановился на нижней ступеньке, чтобы смахнуть снег с валенок. — Здорово, мужики!

— Здравствуй! Здорово! — ответили стрельцы невесёлыми голосами.

— Заходите в дом, погрейтесь! — улыбнулся Николай Иванович.

— Не велено нам, — ответили стрельцы.

Стараясь не хлопать дверью, не топтать и не скрипеть ступенями, Николай Иванович и Митька поднялись по лестнице. Из кабинета доносились голоса:

— Не пушу! Ишь, что удумал! Без хозяина тут шарить! — звенел полный возмущения голос Натальи Тимофеевны. — Я вот тебя! — донёсся шлепок мокрой тряпки.

Митьке стало смешно. Он посмотрел на учителя — тот тоже улыбался.

— Ты, баба, поди отсюда! Я здесь по государственному делу! — пророкотал густой мужской бас, такой же красивый, как у батюшки из Покровской церкви.

— По государственному?! Я тебе покажу — по государственному! — Опять шлепок тряпки. — Я вот к князю пойду, узнаю, как он татя такого на службу взял!

Николай Иванович принял суровый вид, толкнул дверь, махнул рукой Митьке.

— Что тут такое происходит? — грозным голосом спросил он.

Человек в высокой шапке и длинной чёрной шубе стоял спиной к двери. Наталья Тимофеевна — руки в боки — заслоняла от него письменный стол и медные сундуки. Человек обернулся на голос и тут же получил тряпкой между лопаток ещё раз.

— Кто таков? — строго спросил Николай Иванович.

Человек попятился, втянул голову в плечи.

— Старший подъячий Разбойной палаты Иван Григорьев.

— Николай Иванович. Чем могу быть любезен, боярин?

— Ищем разбойников... — начал подъячий.

— У меня? — ледяным тоном спросил Николай Иванович, не повышая голоса. Но Митька готов был поклясться, что от этих слов под толком прокатилось эхо, в кабинете потемнело, а по спине забегали мурашки.

Подъячий осёкся.

— А я опекиш с печи сняла... Слышу — дверь хлопнула и шаги чужие... — вставила Наталья Тимофеевна.

— У меня ищите, я вас спрашиваю, Иван Григорьевич? — повторил Николай Иванович. На этот раз голос прозвучал естественно, почти приветливо.

Боярин стусевался, снял шапку, вытер ладонью лоб.

— Нет.

— Наталья Тимофеевна, — Николай Иванович заговорил своим обычным тихим голосом, — соберите на стол что бог послал. Перекусим.

— Слушаюсь, — Наталья Тимофеевна, комкая тряпку в руке, вышла. В дверях обернулась, окинула взглядом подъячего.

— Грозна, — уважительно сказал Иван Григорьевич.

— Ключница. Служит верно. Так где вы разбойников ищите?

Подъячий развел руками, и из этого жеста следовало, что где только они их не ищут.

— У меня их точно нет, — заметил Николай Иванович, а затем снял шапку и верхнюю одежду. — Митя, давай оправу.

Митька достал свёрток. Николай Иванович убрал его в один из сундуков и закрыл на ключ.

— Я пришел задать вопрос... — сказал боярин.

— Спрашивайте, Иван Григорьевич, не стесняйтесь, — тветил учитель

— Ночью, — присоанившись, пробасил старший подъячий, — злоумышленники в количестве одного или двух человек проникли в кремль. Затем вошли в нашу Разбойную пала-

ту, открыли дверь в темницу да выпустили воров, что там сидели...

— Присаживайтесь, Иван Григорьевич. Снимайте шубу. Митя, возьми, — мастер указал боярину на лавку возле письменного стола. — И много в темнице сидело воров?

Под шубой у боярина оказалась красная сорочка, а поверх неё — цветастый зипун на меховой подкладке.

— Четверых мы заточили. Все в колодках и на цепи, — подъячий уселся на лавку, подтянув в коленях тонкие суконные порты. — Утром смотрим — все до единого замки разомкнуты и никого нет.

— А что же охрана? Неужели ничего не видели — не слышали?

— То-то и оно, — помотал головой подъячий. — Ворота все закрыты. У ворот стража. В Разбойной палате несколько стрельцов, двое сторожат, один у входа. Второй возле темницы, а двое спят. Допросили их строго. Говорят, ничего не видели. — На лице подъячего изобразилась крайняя степень озабоченности, он погладил бороду, сокрушенно махнул рукой. — Я ему говорю: «Как же ты не видел? Вот дверь, а вот ты стоишь в шаге всего! Неужели не видел?» «Не видел», — отвечает.

— Да уж, — с пониманием покачал головой Николай Иванович.

— Думаем, без колдовства тут не обошлось...

— И чем же я могу помочь? — с сомнением пожал плечами мастер.

— Может, есть какой волшебный ключик, который все двери открывает? Знаете — уж подскажите, — просительно прошептал подъячий. — Вы только представьте себе, что будет, если с таким ключом враги в пороховой погреб проберутся или в княжеский терем! Вы, Николай Иванович, в колдовских делах, говорят, зубы съели...

— Что вы, что вы, зубы у меня почти все на месте, — усмехнувшись, Николай Иванович взял с полки книгу, ту, из которой вчера читал Митьке про нож-саморез, полистал. — Это «Вадемекум» Сэнду...

— Кто? — не понял подъячий. — Что?

— Есть в Трансильвании человек, который всю жизнь занимается тем, что собирает сведения о всяких волшебных вещах, — нетороп-

ливо рассказывал мастер. — Его имя — Сэнду. Время от времени он пишет книги, в которых дает подробные описания и краткую историю известных ему волшебных вещей. А знает он их очень много. Вот у меня одна такая книга. Называется «Вадемекум». Про ключи здесь всего ничего: «Ключик к сердцу» — это приворотный амулет, «Ключ к удаче» — это тоже амулет. Кто им владеет, тому до поры до времени везёт.

— А после?

— А после никогда не повезёт. Очень опасный амулет, — оторвал наконец глаза от книги Николай Иванович. — К замкам волшебного ключа нет, да он и не нужен. Воры обычно отмычками пользуются. Вы бы, Иван Григорьевич, кузнецов поспрашивали. Может, кому-нибудь из них кто-то отмычку недавно заказывал? Вон гремят — сюда слышно.

— Уж я к ним сразу после вас! — заверил подьячий.

— Я, Иван Григорьевич, могу предположить, что разбойник мог воспользоваться шапкой-невидимкой, — деловито продолжал мастер.

— Шапкой-невидимкой? — подьячий недоверчиво усмехнулся, а затем нахмурился. — Уж не за дурака ли меня здесь держат!

— Не за дурака, — Николай Иванович снова пошелестел страницами книги. — Вот послушайте: «Шапки-невидимки придумал мастер из Любека Клаус-Дитрих Думслафф. Теперь шапки-невидимки шьют его дети. Волшебные свойства шапок-невидимок заключается в том, что они делают человека невидимым до тех пор, пока шапка не снята с головы. Шапки-невидимки бывают однодневными, двухдневными и трёхдневными (самые дорогие). Воспользоваться ими можно в течение соответствующего количества дней. Шапки прошиты зелёными нитями. После использования часть нитей меняет свой цвет на красный. Когда все зелёные нити станут красными, тогда заканчиваются волшебные свойства шапки. Секрет изготовления шапок-невидимок строго охраняется. Покрой шапки может быть любым. Как правило, это нарядный головной убор, который не стыдно носить и после утраты волшебных свойств».

Николай Иванович отложил книгу и внимательно посмотрел на подьячего.

— Так это не сказки?! — всё еще не веря своим ушам, воскликнул подьячий.

На лице мастера не промелькнуло ни тени сомнения:

— Не сказки.

— Боже всемилостивейший! А если в терем... — боярин схватился за голову. — Эх, недаром бабы говорят, что если крест на храме покосится — быть беде. Вот оно! А ковёр-самолёт существует?

— Ковёр-самолёт? — Николай Иванович чуть улыбнулся. — Нет. В данный момент — нет.

— Ну, всё же легче, — с облегчением выдохнул гость.

Некоторое время сидели молча. Николай Иванович ждал вопроса, а Иван Григорьевич о чем-то думал.

— Ах, вот ещё! — спохватился боярин. — Нам известно, что вчера вечером некто передал вашему ученику нож. Что это за нож? Волшебный ли он? Где сейчас находится?

— Митя, подойди-ка! — позвал учитель. — Дай ножик.

Николай Иванович вытащил нож из ножен и положил на стол.

— Как игрушка, — сказал подьячий, однако в руки не взял. — Так кто его передал?

— Сами думаем-гадаем.

— Волшебный?

— Да. Очень, — Николай Иванович вложил нож обратно в ножны и вернул Митьке.

Дверь в кабинет открылась. Наталья Тимофеевна мотнула головой в сторону горницы.

— Отобедайте с нами, Иван Григорьевич.

— Нет. Благодарю, — подьячий поднялся, надел шубу, шапку. — Пора. Прошу простить меня за вторжение.

Возле дверей он задержался, окинул взором висевшую на стене пищаль.

— Хороша! — отметил как бы для себя.

— Тяжеловата, но бой отличный, — сказал Николай Иванович. — Кстати, если вор надел шапку-невидимку, то, скорее всего, на притолке остался след.

— Нет там никаких следов, — разочарованно возразил Иван Григорьевич. — Я сам всё осмотрел, лично.

— След не виден простым глазом. Нужны сигнальные камни.

— Так у вас такие есть? Тогда едем со мной! — мигом воодушевился подьячий.

Учитель будто только и ждал приглашения.

— Извини, Наталья Тимофеевна, — крикнул он в горницу, — зовут по делу! Вернёмся — отобедаем. — Николай Иванович нахлобучил шапку и позвал: — Идём, Митя!

5

Митьке ещё никогда не доводилось бывать в кремле, поэтому он смотрел по сторонам во все глаза. Снаружи, особенно со льда реки Кемы, кремль казался большим и грозным сооружением. Изнутри же, напротив, он выглядел маленьким и тесным. Постройки все стояли рядом — одна к другой. И ещё — в кремле было немногочисленно по сравнению с торгом и улицами.

Только вооруженные стрельцы стояли почти у каждой двери. Выглядели они хмурыми. Из терема (княжеского — догадался Митька) доносился чей-то грозный раскатистый голос, звуки которого не предвещали ничего хорошего тому, в чей адрес звучали. Слов почти не разобрать, но угроза улавливалась легко.

Рядом с теремом стояли люди, судя по виду, боярского звания.

Худошавая старуха в дорогих одеждах, глядя на окна терема, сказала:

— Гневается князь-батюшка! Ох, кому-то несдобровать!

Иван Григорьевич провёл их меж построек к внушительных размеров избе, рубленной из толстенных брёвен.

Пока шли, встретили княжну Ирину Семёновну, прогуливающуюся с молодым, нарядно одетым татаринном. Они шли не торопясь, увлечённые общением, не обращали внимания на грозные речи князя. Татарин что-то говорил вполголоса, а княжна слушала, улыбалась и коротко отвечала. Татарин, заметив Николая Ивановича, на миг отвлёкся от разговора с княжной и учтиво кивнул. Сие событие не осталось не замеченным боярином.

Через высокое крыльцо попали внутрь. В горнице за столами сидели трое мужчин и что-то усердно писали, скрипя перьями. При появле-

нии Ивана Григорьевича все трое вскочили и почтительно поклонились.

— Работайте, — сказал им старший подьячий и, чуть повернув голову к Николаю Ивановичу и Митьке, добавил: — Нам сюда.

Прошли ещё через два маленьких помещения, спустились вниз по ступенькам.

— Тьфу, темно как! Никифор! — нетерпеливо рявкнул Иван Григорьевич. — Никифор, носи огонь!

Прибежал Никифор, один из тех трёх писарей, с горящей свечой, зажёл лучины — стало светло.

— Вот эта дверь. Доставайте свои камни.

Дверь оказалась маленькой, с низкой притолокой — без поклона ни войдешь, ни выйдешь. Кованые дверные петли и засов казались надёжными. Огромный замок незамкнутым висел на дверной ручке. Справа от двери вдоль стены стояла короткая скамья.

— Никого нет. — Иван Григорьевич толкнул дверь. Из мрачной темницы повеяло холодом. — Можете искать.

Николай Иванович развязал мешочек, вытряхнул на ладонь два камня, сунул мешочек обратно в карман.

— Следы долго не живут. Смотрите внимательно — от шапки-невидимки на притолоке могла остаться светлая полоса.

Подьячий, Митька и Никифор уперлись глазами в притолоку. Николай Иванович поднёс к притолоке камни, один — с этой стороны дверного проёма, другой камень — в темнице, и медленно провёл ими справа налево.

— Ничего не видно, — констатировал он. — Митя, видел, как я делал?

— Ага.

Николай Иванович передал камни Митьке.

— Делай так же по моему знаку. Да не торопись, медленно. — Сам достал ещё два камня и прижал их снизу к притолоке по краям — слева и справа. — Давай, Митя, двигай!

Митька впервые держал такие камни в руках: гладкие на ощупь, неправильной формы, цвета овсяного киселя, они выглядели почти прозрачными.

Митька поднял руки к притолоке, медленно повёл вдоль неё камни и в какой-то момент глазам своим не поверил: на обычной деревянной

доске мелькнула огненная змейка, как огонёк от свечи в полной темноте, если свечой водить из стороны в сторону.

— Ай, молодцы! — рявкнул Иван Григорьевич прямо в ухо мальчику.

От испуга камень выскочил у Митьки из правой руки, но на пол не упал, по крайней мере, Митька не слышал, как камень ударился о половицы.

— Вот молодцы! — продолжал радоваться подъячий. — Ну, Николай Иванович, ну удружил! Вот помог так помог! Значит, вор пришёл сюда в шапке-невидимке. Правильно я понимаю? И он ею под притолокой след оставил? Вот, значит, как они нас провели! Так я говорю?

— Так, Иван Григорьевич, — подтвердил учитель, всё ещё приглядываясь к притолочине.

Митька стал всматриваться в сумрак темницы, пытаясь разглядеть на полу камень. Камень ведь белый, его должно быть видно.

— Никифор! Дуй за бумагой и чернилами, протокол писать будем! — приказал подъячий.

Никифор тут же исчез за дверью.

— Это ещё не все. Проверим замок, — Николай Иванович снял с дверной ручки замок, положил его на скамью, поднёс к нему камни. Следы волшебства не светились. — Похоже, замок открывали без всякого волшебства — ключом или отмычкой. И тогда выходит, что сторож или спал, или стал сообщником.

Подъячий помрачнел.

— Э-э-х, жаль! Парень-то хороший! — с обидой в голосе сказал он. — Придется голову рубить.

Примчался Никифор, разложил бумагу и чернила на скамейке, обмакнул перо, вопросительно поднял взгляд на подъячего.

— Пиши! «Мною, старшим подъячим Разбойной палаты Иваном Григорьевым... (запятая) с участием...»

Подъячий диктовал, иногда повторяя сказанное, Никифор, закусив губу, писал, перо скрипело, а Митька всё раздумывал над тем, куда мог деться камень — на полу его точно не было. Николай Иванович молча стоял, прислонившись спиной к стене. Его голова подпирала низкий потолок.

«Куда делся?.. Не мог же он просто исчезнуть! Что сказать Николаю Ивановичу? У него

же теперь будет нехватка камней! Николай Иванович, наверно, очень расстроится или даже рассердится», — Митька от своих мыслей совсем приуныл.

— «...Приложением оных камней на притолоке обнаружена огненная извилистая линия, идущая от стрелецкого поста в темницу (запятая), что (запятая), по словам Николая Иванова означает...»

И тут Митьке пришла в голову мысль: а что если разбойник в шапке-невидимке всё ещё здесь? Его же никто не видит! А он всё видит и слышит! И камень он схватил, а может, даже выхватил и держит у себя! Потому-то камень и не упал на пол.

Тут Николай Иванович подманил к себе Митьку пальцем и, склонившись к самому уху, шепнул:

— Камень у тебя в рукаве.

Митька так обрадовался, так обрадовался! Улыбнулся, опустил руку, потряс предплечьем. Камень скользнул между рубахой и овчиной, выпрыгнул из рукава, стукнулся об пол и покатился к двери, к той двери, что вела наружу, и остановился у порога.

— «...Приложением же камней к замку установлено (запятая), что ...» Что же установлено-то? ... Ах да! «...Установлено (запятая), что волшебство к замку не применялось (запятая), и таковой отомкнут либо ключом (запятая), либо отмычкой».

Митька бросился поднимать камень, наклонился, протянул руку, чтобы взять камень, да чуть не ослеп — так от пола сверкнуло. Митька зажмурился, яркий круг, сверкнувший на полу и ослепивший его на мгновение, продолжал плавать перед его взором, меняя цвет — жёлтый, белый, красный, голубой.

— Что это было? — удивленно воскликнул подъячий.

— Не торопись, Иван Григорьевич, сторожа своего казнить, — сказал Николай Иванович. — Не виноват он. Ему глаза отвели — он ничего не видел. Митя на полу нашел след от волшебного фонаря. Такие фонари — вещь исключительно редкая. Делают их в Новгороде и все продают немцам.

— Молодец, Митрий! — похвалил подъячий,

у которого будто камень с души спал. — Будет и тебе награда.

А Митька отдал камни Николаю Ивановичу от греха подальше.

— Никифор, пиши, — повеселевшим голосом Иван Григорьевич продолжил диктовать протокол. — Так, на чём я остановился? На замке. Ага. Пиши: «...А на полу найден след волшебной лампы, круглый, размером в одну пядь. Посредством сей лампы злоумышленники отвели глаза сторожу и сокрыли открывание дверей, замков и свой выход из темницы». Запятые сам расставь — уже не маленький!

Дальше все дружно искали следы волшебных вещей в избе Разбойной палаты, в кремле возле ворот. Что нашли — записали в протокол. Уже темнело, когда Николай Иванович и Митька на санях были доставлены домой. В руках Митька бережно держал свой первый заработок — несколько печатных пряников. «Поделюсь с Сонькой и Васькой», — решил он.

6

После трудового дня и сытного ужина Николай Иванович забрал у Митьки нож, а его самого отправил на печь спать. Сам остался тут же — в горнице, обсуждая с Прохором и Натальей Тимофеевной всякие хозяйственные дела. Под эти разговоры Митька и уснул.

Он сидел верхом на коне. Подводы с ранеными и покойными проезжали мимо него. На утопанном снегу темнели капли крови. Высоко в небе чуть белел редкий, как старая сорочка, слой облаков, через который весело светило солнце. Но никто не радовался прекрасному дню. Не мелькало на лицах ни улыбок, ни радости. Даже вороны, сновавшие между людьми, выглядели понурыми.

— Стой! — Он взмахнул рукой. Рука почему-то была не Митькина, а взрослая, мужская. Он разглядел вишнёвый рукав да богато расшитую рукавицу.

Подвода остановилась. На ней лежал молодой татарин с бледным как снег лицом. Укрытый до подбородка тулупом, он щурился на солнце. На лбу выступили капли пота, прилипла прядь чёр-

ных волос. Рядом с ним сидел княжеский лекарь, грек по имени Флегонт.

— Тяжела рана, Семён Васильевич! — сказал Флегонт, обращаясь почему-то к Митьке, и, покачивая головой, добавил: — Долго лечить придётся.

— Лечи, Флегонт, сколько надо. Расстарайся. Сам знаешь...

— Знаю, Семён Васильевич. Сделаю всё, что возможно.

— Сделай больше, чем возможно!

— Сделаю, Семён Васильевич!

— Держись, Бекбулат! Ты дрался как тигр!

Татарин чуть улыбнулся одними лишь глазами и прошептал:

— Ultra posse nemo obligatur.

— Флегонт, что он сказал?

— Он сказал, что обязательно выздоровеет, Семён Васильевич.

— Хорошо. Выздоровливай, Бекбулат!

Сани влились в поток других саней.

Подъехал на лошади боярин — Митька видел его раньше — один из княжеских воевод. Снял шапку, вытер лоб.

— Белозёры засеку прорубают. К ночи на Морьевку, а то и на Шолу выйдут!

— Есть кого послать выбить их оттуда?

— Только демидовскую сотню да пищальников человек полтора.

— Маловато. Вот что сделаем: посылай одних пищальников. Дай им пороху побольше да пуль. Пусть перестрелку с белозёрами устроят, нельзя дать им выйти нам в спину. Скажи в крепостице, что с тюфяков хорошо стреляли. Вон сколько намолотили! Я доволен. Давай!

Боярин умчался.

Митька даже удивился, как во сне он лихо командует. Вот только почему его самого величают Семёном Васильевичем?..

— Тебе бы, Иваныч, жениться надо, — этот голос принадлежал Наталье Тимофеевне.

Митька приоткрыл глаз. Николай Иванович сидел за столом, перед ним стояла миска с молоком, он крошил в неё хлеб. Наталья Тимофеевна наливала ему в кружку кисель. Николай Иванович ничего не ответил, лишь улыбнулся.

— А чего? Мужчина ты видный — не мужичок какой-то. И двор у тебя, и хозяйство исправное.

— И голова на плечах, — поддакнул Николай Иванович.

— Да. Тебе только свистнуть — все твои будут. Вон давеча какая красавица приходила — Матрёна Андреевна. К ней уж кто только ни сватался — всем от ворот поворот. А тебе не откажет. Я-то, знаешь, что подглядела? А вот что: как она от тебя вышла, так слезу вытерла да и расцвела.

— Да она за всю жизнь свою ни одной книги ещё не прочитала! — сказал учитель.

— Молода ещё. Постарше станет — все книги и прочитает, — не сдавалась Тимофеевна.

На печи было тепло. Митька сунул под голову берёзовое полено и вновь погрузился в сон.

Из тумана вышли семеро — пять мужчин в высоких синих шапках, баба в платке и мальчик. Все одеты нарядно, как бояре. А может быть, как князья. Тот, который с бабой, несёт книгу и вроде как протягивает её Митьке и говорит:

— Ищи во всем самого простого — и в еде, и в одежде. И не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

И тут Митька замечает, что за спинами у этих людей летает какое-то существо. Маленькое. Сначала показалось — воробей. Нет — не воробей. Не птица вовсе.

Существо походило на червяка с лохматой головой. Митька протянул руку, будто бы предлагая ему сесть на ладонь. Почему-то хотелось сказать: «Цыпа, цыпа, садись, погрейся!» Но рот не открывался, язык не поворачивался.

— Смотри-ка, вроде как змей! — сказала баба.

И тут до Митьки дошло — это же змей, самый настоящий, только с одной головой, а не с тремя! И голова эта почему-то была собачьей. А почему такой маленький? Да потому, что далеко. Вот приближается!

— Ох, боже мой! — молвила баба жалобным голосом. — Что же такое делается? Змей как настоящий. Сейчас загавкает.

Змей подлетел к Митьке. Собачья голова дружелюбно осклабилась. Крылья за спиной взлетали и опускались. Змей обнюхал протянутую ладонь, по-собачьи лизнул её языком.

— Интересно, — произнёс мужик с книгой голосом Николая Ивановича. — Какое прекрасное

видение! Выше потолка не поднимается. Эй, Наталья Тимофеевна, уж не с моей ли печи это полено сюда попало?

— С твоей, батюшка, с твоей. Не сердись, прошу тебя!

Митька понял, что не спит. Открыл глаза. Собачья морда мелькнула перед глазами и исчезла.

Возле печи стояли Николай Иванович и Наталья Тимофеевна. Оба с удивлением и интересом смотрели на него — Митьку.

Митька суетливо сел.

— Где это ты такого змея видел? — спросил Николай Иванович.

— В книге, — уверенно ответил Митька.

— Кто же тебе такую книгу давал, Митя?

— Влас Сергеевич на торгу, летом ещё.

Наталья Тимофеевна покачала головой, вроде как осуждающе, поджала губы.

— Наталья Тимофеевна, иди спать, — улыбнулся Николай Иванович. — Мы с Митей ещё по-толкуем.

7

Утром, нащепав ворох лучины, принеся два ведра воды с проруби, сменив подстилку в хлеву, Митька вышел на Кемскую улицу. Вышел он потому, что с Сонькиного двора доносились непонятные звуки, громкие разговоры, конское ржание и прочее, чего обычно в столь тёмный и ранний час не случается.

Ворота на постоянный двор почему-то оказались открытыми. Во дворе стояли две запряженные лошади и одна осёдланная. Аарон Соломонович со старшим сыном Сеней несли маленький, но на вид очень тяжелый сундук. Они погрузили его в дровни, прикрыли сеном. Циля Хаимовна на эти же дровни нагроулила несколько не очень тяжелых мешков. Митька подумал, что в этих мешках лежит одежда или другие какие-нибудь тряпки. В другие дровни Мишка, Яшка и Сонька грузили сено.

— Овёс грузите! — раздраженно скомандовал Аарон Соломонович. — Семён, помоги!

Митька зашёл во двор.

— Митя! — радостно крикнула Сонька.

— А, Митя, заходи, — пригласила Циля Хаимовна.

— Здравствуйте, — поклонился Митька. — Это вы куда собираетесь?

— В Каргополь, — ответила Сонька. Она примяла сено на санях и подошла к Митьке.

— У нас там тётя Зельда, — пояснила Циля Хаимовна. — Прислала весточку, чтоб мы все срочно приезжали. Это посреди зимы! Боюсь, не случилось ли чего.

Циля Хаимовна погладила большим пальцем правой руки нижнюю губу.

Митька вытащил из кармана пряник, протянул Соньке.

— Вот, возьми в дорогу.

— Спасибо. — Сонька полюбовалась пряником и сунула его в карман.

— А когда обратно? — спросил Митька.

— Обратно? — Циля Хаимовна тяжело вздохнула. — Там видно будет. За скотиной тётя Маня присмотрит.

— Присмотрю, присмотрю, — послышался от ворот старушечий голос. — Езжайте с богом, коль очень надо.

Бодрая старушка, которую все звали тётей Маней, тоже имела домик в Колдовском углу.

— Овёс погрузили? — беспокоился Аарон Соломонович.

— Погрузили! — хором ответили Сонькины братья.

— Циля!

— Я всё взяла, ничего не забыла! А ты порох не взял, — хлопотала вместе с мужем Сонина мама.

— Порох! Точно! — Аарон Соломонович бросился обратно в дом.

— Вернёшься — заходи, — сказал Митька Соньке.

Сонька кокетливо улыбнулась, оглянулась на братьев. Те стояли и глазели на Митьку с Сонькой.

— Не скучай, — ответила Сонька.

Семейство уже расположилось в санях. Аарон Соломонович выбежал из дома с бочонком пороха и бог весть ещё с чем под мышкой, запрыгнул на свое место.

— Ну, в путь! — наконец скомандовал он.

Сенька открыл ворота. На передних санях — Аарон Соломонович с Яшкой, на вторых — Циля Хаимовна с Мишкой и Сонькой. Митька вы-

бежал на улицу. Сенька вывел осёдланного коня, закрыл ворота и поскакал вслед за санями.

8

В доме учителя дела шли своим чередом. Сегодня пойдём за зеркалом, а завтра — в лес. Ты, Наталья Тимофеевна, пирогов нам в дорогу напеки, — распорядился Николай Иванович.

— Неужели Митеньку с собой возьмёшь? — Наталья Тимофеевна покачала головой и с укором посмотрела на хозяина. — Мал он ещё с тобой по лесам ходить.

— Рыбник со шукой обязательно сделай. Очень в дороге хорошо рыбничком перекусить. Ватрушки, шаньги — всё как обычно, — продолжал настаивать ключницу. — Ты сама знаешь — только для двоих. Договорились? Дела не ждут, а у нас с Митей один ножичек на двоих.

— Так вы его мне отдайте, я поношу.

— Нет, Наталья Тимофеевна. На такое мы не согласны. Правильно я говорю, Митя?

— Ага, — согласился Митька.

Конечно, разве может Наталья Тимофеевна с ножом управиться? Куда ей!..

Митя помнил, что однажды, когда он был в лесу, с ним произошло что-то важное. А что именно — он и сам точно не знал. Вот так иногда случается: Митя помнил, что в лесу заблудился, но не помнил, как нашел дорогу обратно.

В Митькиной родной деревне жил-был колдун — дед Анисим, дом его стоял по соседству, и Митька с сестрой бегали к доброму старику на беседы, носили гостинцы коту Угольку. Однажды дед Анисим даже выдернул Митьке молочный зуб так, что тот боли не почувствовал. Колдун сказал Митькиной маме: «Отвела бы ты его в город. Там в Колдовском углу есть такой Николай — неплохой мужик. Авось чем и поможет».

Мама послушалась колдуна, привела Митьку к Николаю Ивановичу, долго упрасивала взять его в ученики, да Николай Иванович всё не хотел брать, пока мать не рассказала ему что-то про лес. Что именно — Митька не слышал. Мама говорила вполголоса. Николай Иванович тогда

серьёзно посмотрел на Митьку и постановил: «Ну, тогда возьму».

Митька был тогда младше года на полтора. Жили они в деревне Межгоры. Собрались девки да бабы в лес грибы собирать, взяли с собой и Митьку. Разбрелись по лесу, аукаются. Лес стал как живой — полон голосов человеческих. Лес красивый, сосновый, лишь изредка ёлочка встречаются.

— Маруся, у тебя грибы есть? — кричит одна баба.

— Мало, — отвечает Маруся. — А у тебя?

— Тоже мало! Наверно, год не грибной.

Митька ходит, слушает. Грибов и действительно мало.

Вдруг Митька видит гриб — боровик-красавец стоит во мху, Митьку поджидает.

Митька — к грибу. А с другой стороны к этому же грибу — Маруся, старшая дочь старосты, девка на выданье.

Но Митька успел раньше. Схватил гриб — да в корзинку.

Маруся посмотрела сердито и говорит:

— Иди-ка ты, Митька, да на леший след! — Развернулась и пошла.

Митька удивился, потому что никогда раньше не слышал таких слов. Что значит «на леший след»? Чего только бабы да девки не говорят непонятного, — и Митька решил не обращать внимания.

Меж тем грибы стали попадаться чаще. Да всё красавцы — загляденье. Скоро корзинка наполнилась. «Вот какие глупые, — подумал Митька, наклоняясь за очередной семейкой грибов, — шли бы сюда да собирали».

Мальчик снял рубашку, завязал узлом подол, связал рукава и повесил рубашку себе на шею, а грибы стал складывать через ворот. Он видел — так делали взрослые, которые, бывало, без корзины попадали в лес на большие грибы.

Теперь стали попадаться маленькие грибочки, но помногу. Митька не разгибался, стараясь не забыть про корзину, которую приходилось на время оставлять, чтобы освободить обе руки.

«Аукайтесь, аукайтесь, — довольный собой, думал Митька. — И ты, Маруся, аукайся! Вот увидите, сколько у меня грибов — обзавидуетесь».

На пороге дома Данила Романович радушно встречал гостей с широченной улыбкой на устах:

— Заходите, гости дорогие! За стол, прошу за стол! Пироги младшая пекла — Марфуша. Знала, что вы придёте — очень старалась.

На столе стояли блюда с горячими пирогами и пустые глиняные кружки. В комнате по-домашнему вкусно пахло.

— Спасибо, Данила Романович! Не откажемся, — приветливо ответил Николай Иванович, скидывая шубу.

Митька хорошо позавтракал и не чувствовал голода, но знал, что отказать хозяевам нельзя, иначе обидишь, потому отказываться не стал.

— Вот только Зорька у нас мёрзнет. Попона тонкая... — посетовал мастер.

— Митрофан! — тут же позвал Данила Романович. Явился русоволосый высокий парень. — Лошадка на дворе у нас Николая Иваныча. Ты укрой-ка Зорьку, чтоб не замёрзла, пока мы пироги едим!

Хлопнула за Митрофаном дверь, а Николай Иванович достал из кармана тканевый кошелек, подбросил его на ладони. В кошельке звякнули монеты.

— Сначала дело. Готово ли наше зеркальце?

— Конечно, конечно! Готово. Мурановское, как и заказывали. В лучшем виде.

Данила Романович подвинул на столе плоски. Взял с лавки сундук, такой же почти, как и у Николая Ивановича для денег — плоский, поставил его на стол. Отстегнул от пояса ключ, повертел им в скважине. Щёлкнуло.

— Вот оно, ваше зеркальце. Получите!

Николай Иванович повертел его в руках.

— Митя, оправу!

Зеркало ладно встало в оправу, будто там и было.

— Ай да мастер, Данила Романович! — восхитился Николай Иванович. — Смотри, Митя, как настоящие мастера свою работу делают! Как ладно подходит!

Николай Иванович протянул стекольных дел мастеру набитый монетами кошелек:

— Пересчитай, Данила Романович, не ошибся ли я часом, — сказал Николай Иванович, а сам ногтем стал подгибать лепестки оправы, закрепляя зеркало.

Вытряхивая на стол звонкую наличность, Данила Романович нараспев прокричал:

— Марфу-уша, неси кисе-ель! — И стал опытной рукой отсчитывать монетки.

Марфуша, статная, круглолицая барышня, вплыла в комнату, прижимая к себе кувшин с киселём. Митька, предвкушая угощение, подвинул ей толстостенную кружку. Марфуша ласково улыбнулась ему и налила киселя, тот сразу же подёрнулся пенкой. Мальчик взял румяную масляную калитку с пшеном и с удовольствием откусил.

— Николаю Ивановичу налей, — велел хозяин, не поднимая глаз от рассыпанных на столе монет.

Наливая дымящийся кисель, Марфуша наклонилась над столом и из-за плеча Николая Ивановича заглянула в зеркальце. Заглядевшись на своё отражение, она так умилилась, что забыла и про кисель — густая клюквенная жидкость перелилась через края кружки и струйкой потекла по столу.

— Два рубля! — наконец провозгласил Данила Романович, отсчитав последнюю монету. — Как и договари... Маар-рфа! — вдруг рявкнул он.

Но Марфуша будто и не слышала отца. Она зачарованно смотрелась в волшебное зеркало, а Николай Иванович, не замечая происходящего за его спиной, продолжал сосредоточенно пригибать к стеклу скрепы.

— Марфа! — снова крикнул Данила Романович. — Очнись!

Марфуша вздрогнула, кувшин выскользнул из её рук, разлетелся на осколки, а остатки киселя расплзлись на полу.

— Марфа, Марфуша! Что с тобой? Здорова ли ты? — Данила Романович вскочил из-за стола и бросился к дочери.

Девушка будто очнулась, прикрыла ладонями раскрасневшееся лицо и выдохнула:

— Ах, папочка, какая же я красивая! — Марфуша покраснела, и, закрыв лицо руками, бросилась вон из комнаты, оставляя на выскобленном полу кисельные следы.

9

Николай Иванович с Митькой после странного происшествия в гостях долго не заси-

делись. На обратном пути заехали на торг. В одёжном ряду Николай Иванович купил добротную шубу из овчины с бобровым воротником, большой вязанный женский шерстяной платок и валенки детского размера.

— Это для наших друзей, — пояснил он в ответ на удивленный Митькин взгляд.

Митька знал, что друзьями у Николая Ивановича немного. Учитель обо всех помнил, в меру возможностей помогал и заботился. Друзья отвечали ему взаимностью. Кто именно из друзей нуждался в одежде и обуви, Митька не сообразил, но расспрашивать не стал. Знал, что придёт время и Николай Иванович всё расскажет.

Обратно ехали по Кемской улице. От обилия саней и прохожих зимняя улица была черным-черна. С высокого берега Митька видел, как по льду реки сани, управляемые стрельцами, едут на юг, в сторону Белого озера. Саней Митька насчитал две дюжины. Стрельцы пели весёлую песню. На всех санях лежал груз, укрытый рогожами и сеном — не разглядишь что.

В одном месте пришлось объезжать кучу пилёных дров, лежащих на дороге у чьих-то ворот. Возле дров образовался затор из встречных и попутных саней — объехать невозможно. Пришлось терпеливо ждать, пока два мужика торопливо перекидывали чурбаки во двор. Маленький седобородый мужичонка с кнутиком в руке беззлобно ругался на них, развлекая не по своей воле собравшийся народ. За санями Николая Ивановича в очередь выстроились ещё несколько саней и возков. Один из них — зелёный — показался Митьке похожим на тот, из которого ему протянули злосчастный нож, — те же формы, тот же размер, тоже одноместный, но уверенности не было. Пряча лицо в мех воротника шубы, Митька принялся искоса наблюдать, но человек, что сидел внутри зелёного возка, ничем себя не проявлял. Виднелись лишь рыжая лисья шапка да что-то тёмное ниже — кафтан или шуба, а лица не видать — только струйка пара изо рта. На всякий случай Митька в памяти отложил, что возок — зелёный, а лошадь — гнедая. Упряжь ничем особенным не выделялась.

Николай Иванович вышел из саней подрамяться, похлопал рукавицами, поскрипел снежком под валенками, прошелся туда-сюда.

На бородке и усах его под лучами зимнего северного солнца блестели льдинки. А потом и тронулись, объехали дрова, прибавили шаг.

Митька всю дорогу оглядывался — тот самый зелёный возок ехал следом, но держался на почтительном расстоянии.

Подъехали наконец к дому. У ворот стояли Прохор и Васька.

— Про погоду узнал? — спросил Николай Иванович у Прохора.

— С ночи снег и ветер. К обеду утихнет.

— Очень хорошо, — кивнул учитель.

Пока Прохор и Николай Иванович открывали ворота, Васька сообщил, что Сонька с братьями и родителями уехали на север.

— Знаю. Им тётя — не помню, как звать, — письмо прислала, — зевая, ответил Митька. — Сонька сама говорила.

— Ты её видел? Знаешь, когда вернётся? — шмыгнув покрасневшим на морозе носом, удивился Васька.

— Утром видел. А когда вернётся, не сказала.

Митька слез с саней, помня про таинственный зелёный возок, осторожно, чтобы не привлекать внимания, огляделся. Возок и гнедая лошадь стояли вдалеке, где кончалась длинная череда заборов.

— Вася! — позвал Николай Иванович и тронул вожжи. — Пойдём к нам обедать.

— Спасибо, дядь Коля! — и Васька кинулся на подмогу Митьке и Прохору — закрывать за саями ворота.

10

«Оно готово?...» — требовательный женский голос разбудил задремавшего после обеда Митьку. То пришла богатая вдова Матрёна Андреевна. Хлопнула дверь кабинета.

Митька тихонько соскользнул с печи и прошмыгнул в сени. Его знобило от холода и мёрзлы пятки на холодном полу, но разговор в кабинете был слышен отчетливо.

— Добрый вечер, Матрёна Андреевна, — прозвучал спокойный голос Николая Ивановича. — Присаживайтесь, сударыня.

— Николай Иванович! По городу ходят слухи, что дочь купца Данилы Романовича сегодня

смотрелась в моё зеркальце и теперь требует его себе! Как это понимать?

— Присаживайтесь, прошу! — сказал учитель.

Некоторая пауза в разговоре и шум двигающейся скамьи говорили о том, что купчиха воспользовалась приглашением.

— Матрёна Андреевна, вот оно, ваше зеркало. Стекло восстановлено. В него действительно можно смотреться. Но... — Николай Иванович сделал паузу. — В результате повреждения равновесие волшебных сил сего предмета нарушилось. Теперь передо мной стоит задача это устранить. Вы же не хотите вдруг вместо себя, такой красивой, неожиданно увидеть в этом волшебном стекле нечто неприятное?... Ну, к примеру, жабий лик!

В кабинете на мгновение повисло молчание.

— Когда? — спросила купчиха.

— Несколько дней. Уж не сердчайте.

— А Марфуша?

— Марфуша заглянула в зеркало в удачный момент, когда волшебная сила усиливала прекрасные черты. Наберитесь терпения, сударыня. Всего несколько дней. Я извещу о готовности.

Ножки скамьи проскрежетали по полу — Митька мигом юркнул обратно в горницу.

— Всё выведал? — Наталья Тимофеевна укладывала пироги в берестяные короба.

— Угу. — Митька забрался на печь. Сон вернулся с того места, на котором прервался.

Боец стоял твёрдо, широко расставив ноги, и уверенно смотрел Митьке в глаза. При этом Митька осознал, что в этом сне он смотрит не на него, то есть не на паренька Митьку, а на того другого, чьими глазами Митька глядит на бойца.

Такой богатый кафтан Митька видел впервые: серый, расшит коричневым и золотым узором, местами забрызган свежими, ещё влажными бурными пятнами. Шапка с пышным околышем из лисьего меха лихо заломлена на затылок. Пар изо рта. На ногах не валенки, а кожаные сапоги. И как его ноги не мёрзнут?... В левой руке — большой охотничий нож, в правой — шестопёр, с шестопёра на снег капает кровь.

Лицо у бойца узкое, не старое, на густых черных усах и бороде блестит иней. На лоб спадают черные, сырые от пота волосы. Глаза смот-

рят на Митьку холодно и расчетливо, и этот взгляд не предвещает добра.

Шагов до незнакомца, казалось, не больше дюжины. И причиной тому, что он не подошел и не разбил Митьке голову, был самострел, направленный бойцу в грудь. Руки того, другого, чьими глазами смотрел Митька, дрожали скорее от холода, чем от страха. Правая рука оказалась без рукавицы, потерянной прежде, и холодная стальная пружина жгла пальцы.

Вокруг сражались, рубили друг друга топорами, били цепами и ослопами, кололи рогатинами и сулицами. Временами раздавались выстрелы. Под ногами кто-то корчился, стонал, но не отвести взгляда, не поглядеть.

Все мысли только об одном! В самострел заложен болт со срезнем. Последний! Все другие с бронебойными наконечниками израсходованы. Срезень на охоте хорош, а в бою от него проку мало. Но ничего другого не осталось.

А боец, напротив, смотрит уверенно, не боится. Будто видит, какой болт в самостреле. Наверно у него кольчуга под кафтаном? Кольчугу срезнем не пробьешь...

—... Митя, вставать пора, — Николай Иванович будил Митьку, дергая за край рубахи.

Эка беда — растормошили на самом интересном месте...

11

Вышли затемно. Луна и звёзды скрывались за облаками. Сыпал мелкий снег, и ветерок гонял его позёмкой, заматаывая следы. Николай Иванович один раз в два-три месяца всегда уходил в лес. С этой его традицией все считались. Наталья Тимофеевна накануне пекла пироги, Прохор же бегал к тётке Мане узнать про погоду. Тётя Маня, помимо своего основного промысла — снятия сглаза, привороты и отворота, а также выведения бородавок, умела предсказывать погоду. Николай Иванович сам к ней не ходил, а посылал обычно Прохора или Митьку. Тётя Маня, похоже, и на этот раз с погодой не ошиблась.

Митька шёл следом за мастером. Вчера Николай Иванович где-то на чердаке отыскал ему короткие лыжи и лёгкий посох. Поверх короба, ви-

севшего у Митьки за плечами, учитель привязал купленные вчера валенки, а платок лежал в коробе поверх пирогов.

Шуба, та, что, как сказал Николай Иванович, «для наших друзей», была привязана поверх короба учителя. На его поясе болтались большой охотничий нож в простых ножнах и маленький медный котелок. В правой руке Николай Иванович держал тонкий, до блеска отполированный посох.

Миновали реку, остров и озёрко, поднялись на невысокий южный берег. Николай Иванович шел быстро. Митька тоже изо всех силёнок старался не отставать. Несколько раз он оглянулся, но в темноте зимней ночи так ничего и не разглядел.

Когда дошли до заснеженного леса, Митька даже вспотел. Повернули направо. Через некоторое время остановились. Николай Иванович развернулся к ученику и предостерегающе приложил палец к губам. Стояли молча — вокруг ни звука. Митька напряженно вглядывался в темноту — ему даже показалось, что в сторону леса прошли две тени.

— Подождём, — шепнул Николай Иванович. — Прижмись к дереву!

Так и стояли, пока Митька не почувствовал, что замерзает. Он передёрнул плечами, насколько ему позволяла ноша.

— За мной! — так же шепотом скомандовал учитель.

Они двинулись в глубь леса. Пройдя некоторое расстояние, сделали поворот. И так несколько раз. Вскоре Митька совсем перестал понимать, куда они идут, но догадался — надо путать следы.

— Стой! — опять прошептал Николай Иванович.

Митька чуть не налетел на него со спины. Так, то останавливаясь, то резко меняя направление, они петляли по лесу ещё некоторое время. Когда же вершины деревьев стали отчетливо видны на фоне уже светлеющего к утру неба, Николай Иванович уверенно повёл Митьку по прямой.

Они шли довольно долго. Совсем рассвело. Митька втянулся в темп ходьбы, стал чаще смотреть по сторонам в надежде увидеть лесного зверя, но так и не увидел.

Наконец Николай Иванович остановился, оглянулся и, ободряюще улыбнувшись, сказал:

— Сегодняшние не из тех, что вчера в возке. Вчера был мужичок опасный... А эти, похоже, просто любопытные.

Митька даже рот открыл от удивления. Вышло, что учитель еще вчера всё хорошо приметил: и возок тот зелёный, и как он следом за ними ехал! «У него что — глаза на затылке?..» — мысленно восхитился Митька. Николай Иванович, будто разгадав Митькины мысли, даже усмехнулся.

— Ну что, Митя... Думаю, настало время перекусить. Ветер утихает, видишь? — мастер сложил свою ношу на сугроб.

Они расчистили от снега пяточок земли, собрали сухих веток, сброшенных недавним ветром и не замеченных ещё позёмкой. Николай Иванович достал из кармана местами засаленный кожаный мешочек. В мешочке оказались береста, кремь, кресало, сухой гриб трутовик и сухая же волокнистая кора.

— Учись, Митя. Пригодится.

Митя и так знал, что пригодится, поэтому смотрел во все глаза, чтобы ничего не пропустить и запомнить. А Николай Иванович приложил кусочек трутовика к кремню и с одного удара высек кресалом хорошую искру. Искры брызнули на трутовик, тот немедля задымил. Николай Иванович подул на него, приложил пучок коры и еще раз подул. Кора задымила. Не переставая раздувать, учитель засунул тлеющий пучок в костерок, подsunул бересту. Блеснуло пламя.

Митька видел, как разводят огонь, но чтобы так быстро!..

Над огнём они согрели по пирогу с яблоками, натопили снега в котелке, перекусили. Сразу стало веселей. Лес, с утра казавшийся чужим и недобрый, теперь выглядел вполне дружелюбно.

— Сейчас придет наш старый друг. Не пугайся, — предупредил Николай Иванович.

Что за старый друг? Почему «наш»? Почему надо не пугаться? Митька ведь не из трусливых! Он с любопытством повертел головой, но ничего примечательного не увидел. Митька понимал, что они неспроста волокли в лес шубу, платок и валенки. Но для кого?.. Случается, конечно, что люди живут отшельниками —

дело известное. Но поблизости нет ни жилья, ни даже тропы. Только их лыжня вела в это место, больше ничего.

Достали ещё пирогов. После такого перехода до зимнему лесу сильно хотелось есть.

— Дядя Коля, вы часто в лес ходите. И всё сюда?

— Сюда и на Тимошкино болото. Это дальше, — Николай Иванович махнул рукой в ту сторону, куда они бы ушли, если бы не остановились на привал.

— А зачем? — продолжал расспросы ученик.

— Что зачем?

— Ну в лес ходите...

— За волшебным соком. — Теперь будешь со мной ходить. Всему научу, всё покажу. Тебя тоже научу волшебный сок собирать, как и меня когда-то учили.

Николай Иванович устремил взор к вершинам деревьев и погрузился в задумчивое молчание. Вспомнил, наверно, как его учили собирать волшебный сок.

— Без волшебного сока ни один волшебник, ни один предмет волшебством обладать не будет. — Николай Иванович прожевал кусок пирога, отхлебнул из котелка. — А в таких количествах он только у нас в лесах родится...

— А где ещё? — мотал на ус Митька.

— Еще на юге.

— В Белозерске?

— Хе! От Белозерска на этот юг ещё год конным добираться, — Николай Иванович ласково потрепал старательного ученика по шапке. — За многими морями эта земля. Сок у них хороший, но мало. Потому что деревьев тех нет, что у нас есть. И вообще...

Митька помолчал, но спросил:

— А что «вообще»?

— Вообще у них деревьев мало.

12

«Здравствуйте, люди!» — раздалось совсем вблизи. За разговором Митька не сразу заметил, как к ним подошёл мужичок. Одет он был пёстро. Видавший виды красный кафтан делал его похожим на стрелца. Впечатление, однако, портили разбросанные по

кафтану многочисленные заплатки разных цветов и материалов. Ноги до колен обмотаны чёрными шерстяными онучами, поверх которых обуты лапти. Из-под заячьей шапки выбивались седые волосы. Редкая бородка неопределённого цвета, узкое лицо, впалые щёки, тонкий нос с горбинкой и глубоко посаженные глаза делали мужичка похожим на какое-то сказочное существо. Будь он женской половины, Митька подумал бы, что это Баба Яга. Мужичок сразу же показался Митьке знакомым, как будто они виделись раньше.

— Здравствуй, Онуфрий! — Николай Иванович поднялся, пожал Онуфрию руку. Митька тоже почтительно привстал.

— Здравствуй, Митенька! — Онуфрий протянул Митьке руку. Митька пожал. Ладонь Онуфрия показалась Митьке жесткой, словно деревянная, и холодной. Знакомое ощущение — как будто бы и держался раньше Митька за эту ладонь.

Выходило так, что Митька с Онуфрием уже встречались, раз тот его помнит и здоровается.

— Не помнит меня, — вздохнул Онуфрий.

— Так как же ему помнить-то?.. — Николай Иванович сделал рукой приглашающий жест. — Посиди с нами, Онуфрий. Поешь пирожков. Расскажи про жизнь-бытьё.

Онуфрий светло улыбнулся, лицо его помолодело.

— Ты, Коля, что-то задержался в этот раз.

Вот это да! Все называют учителя Николаем Ивановичем, а Онуфрий зовёт Колей!

— Карла ждал. Да так и не дождался, — Николай Иванович вытащил из короба пирог, протянул Онуфрию. — Со щукой. Как ты любишь.

— Благодарствуйте! — Онуфрий ещё шире улыбнулся. Улыбка эта была радостной и искренней. — Это того немчишку-то, что к тебе каждый год торговать приезжает?

Он откусил кусок холодного пирога и с нескрываемым наслаждением стал пережёвывать вместе с рыбьими костями.

— Того самого. Из Любека, — кивнул мастер.

— Да помню я, помню. Марципаны и всё такое... Нет, со щукой мне вкуснее! — От удовольствия закатил глаза мужичок. — А это что у тебя за шуба?

— Это, Онуфрий, мы вчера с Митей на деньги выменяли. Специально для тебя. На-ка, прикинь.

Онуфрий протянул пирог Митьке:

— Подержи! Да сам не кусай!

Скинул кафтан на снег, схватил шубу, повертел её, осматривая с разных сторон, накинул на плечи. Под верхней одеждой Митька успел заметить длинную синюю линиящую рубаху, подпоясанную берестяным пояском, и черные штаны, а за поясок заткнут сложенный четверо крапивный мешок.

— Настоящий опашень! — с неподдельным восторгом вскричал Онуфрий. — Спасибо, Коля! Дай я тебя обниму! Ах, удружил! В самый раз! Всю жизнь о таком мечтал!

Наобнимавшись, Онуфрий опять уселся, забрал пирог у Мити, продолжил трапезу. Его лицо светилось счастьем.

— А ещё жене твоей — платок. Митя, достань! — приказал Николай Иванович. Митька вытащил из короба платок, подал Онуфрию. — И валенки маленькие на детскую ногу. Посмотри, подойдут ли?

— Подойдут, Коленька. Спасибо, Митенька. — У мужичка по щеке пробежала слеза.

Учитель подкинул веток в костер, добавил снега в котелок.

— Митенька, Митенька... Сейчас он меня вспомнит. Правильно я говорю, Колька?

— Правильно, Онуша.

Митька от такого заверения даже глаза вытаращил на мужиков. И тут...

Митька вспомнил себя в лесу, полную корзину грибов, набитую ими же рубаху. И никого вокруг! Тишина. Только ветерок шумит ветками да птицы по-своему переговариваются.

Оглянулся. Еще раз оглянулся. Никого. Спрятались, что ли?

— Мама!

Тишина.

— Мама! — громче.

Опять тишина.

— Мама! Мама! — в полный голос. — Маруся! Ау!

Надо куда-то идти. Куда? Где дом родной? Куда ушла мама? Почему она его бросила в лесу? Одного!

Митька подхватил тяжёлую корзину, подвязал потуже раздутую от грибов рубаху и зашагал. Направление он выбрал по наитию. Через какое-то время тащить грибы стало совсем нелегко.

— Мама! Ау!

Митька вытряхнул грибы из рубахи, развязал подол и рукава, надел рубаху на себя. Подумал и вытряхнул грибы из корзины. Грибов получилась целая куча, оставлять было жалко, но себя тоже жаль. Захотелось плакать, но Митька сдержался, только шмыгнул носом. Позвал маму, но уже без особой надежды.

Стало смеркаться. Казалось, вот ещё немного — и он выйдет на тропу или к ручью, но ничего так и не попадалось. Митька ускорил шаг. Ему хотелось дотемна попасть домой. Там, наверно, его будут ругать, накажут за то, что потерялся. Пусть ругают, пусть накажут! А девки засмеют. Пусть засмеют!

Сумерки в лесу начинаются снизу, от земли. Вершины деревьев ещё светлые, а у корней совсем темно. В этой темноте Митька разглядел что-то выделяющееся на зелёном мху. Надежда затеплилась в его груди, дыхание захватило, он ускорил шаг. Но чем ближе он подходил, тем больше слёз собиралось в глазах, готовых в любой момент хлынуть по щекам и носу.

Это оказались грибы! Те самые, которые Митька вытряхнул из рубахи и корзины.

Вот теперь и наступил момент, когда можно сесть спиной к сосне и вдоволь нареваться. И ничуть не стыдно плакать — рядом всё равно никого нет.

Проплакавшись, Митька руками ощупал горю грибов. Так и есть — это та самая, им собранная куча. Захотелось плакать ещё, Митька поморщил нос, но слёзы кончились.

«Леший водит», — решил Митька. Это Маруся послала его на леший след. Нельзя так говорить! Мама никогда так не говорила, и папа тоже. И Митька никому такое не скажет, никогда, никому, даже Марусе.

Проснулся Митька от прохлады и громкого радостного щебетания птиц. Напротив него за кучей грибов на корточках сидел мужичок в синей линиялой рубахе с редкой бородой и всклокоченными волосами.

— На, мальчик, скушай яблочко. — Мужичок протянул Митьке зелёное яблоко. — Зови меня Онуфрием.

— ... Вот видишь, Коля, Коля-Николай, я ж тебе говорил — вспомнит. — Онуфрий поднял со снега свой красный кафтан, пошарил в кармане, достал сморщенное яблоко, протянул Митьке. — На, Митенька, скушай яблочко! Помнишь теперь меня?

— Помню, дяденька Онуфрий.

— Митя теперь у меня в обучении, — с гордостью в голосе сказал Николай Иванович. — Смышлёный мальчик.

13

Вот, оказывается, кто у Николая Ивановича в друзьях! Митька улыбнулся. И даже стал догадываться, почему мама отдала его Николаю Ивановичу. Про таких, как учитель, говорят: «Он с ним знается». С «ним»! С Онуфрием! Выходит теперь, что и Митька с ним знается. Даже мурашки поползли по спине и пальцы на руках похолодели.

— Не волнуйся, Митя. Всё будет хорошо.

— Да я не волнуюсь, дядя Коля. Спасибо, дядя Онуфрий. — Митька протянул левую руку к костру погреться, откусил яблоко.

— Слышь-ка, вроде кто идёт? — Онуфрий вытянул тощую шею.

Митька затаил дыхание, но ничего не услышал, кроме потрескивания веток в костре.

Николай Иванович напряженно окинул взглядом заснеженный лес:

— Это, наверно, те двое, что за нами утром пошли.

— Соглядатаи? — нахмурился Онуфрий.

— Вроде того.

— Сейчас пойду отведу их. — Онуфрий протянул недоеденный пирог Митьке, поднялся, запахнув полы новой шубы, хитро подмигнул.

— В лес-то только не заведи! Пусть в Кемгород идут! — обеспокоенно попросил Николай Иванович. — А если можешь, мимо нас проведи, чтобы мы посмотрели.

— Хорошо. Проведу, Николай. — Онуфрий легкой походкой зашагал в лес. Митька с удив-

лением заметил, что после Онуфрия на снегу не остается следов.

Николай Иванович, проводив друга взглядом, достал из короба еще один пирожок, стал греть его возле огня.

— Вернулась память? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Кто с ним первый раз встречался, тот обычно этого не помнит, пока снова не повстречает.

— Почему?

— Не знаю, так мир устроен. Вот я в молодости тоже однажды... — Николай Иванович не договаривал, приложил палец к губам.

— Идут, — шепотом сказал он. — Молчи. Онуфрий их рядом проведет, увидим, кто такие. Быстро же он их...

За деревьями показались трое. Первым лёгкой походкой, не оглядываясь, шёл Онуфрий. Озорная улыбка играла на его губах, глаза хитро щурились. Он ловко уклонялся от заснеженных веток.

За Онуфрием на лыжах шли два мужчины. Первый — рыжебородый детина в сером армяке с самострелом за плечами. Второй — у Митьки вновь от удивления открылся рот — Никифор, тот самый, который в Разбойной палате писал протоколы, когда Митька с Николаем Ивановичем искали следы шапки-невидимки у входа в темницу. На Никифоре была чёрная короткая сермяга и песцовая шапка. Ни детина, ни Никифор не обратили внимания на костёр и тех, за кем отправились следить, будто и не было вовсе Николая Ивановича и Митьки. Николай Иванович улыбался. Онуфрий подмигнул ему и Митьке.

Между детиной и Никифором шел разговор.

— И что ещё говорит бабка? — спросил Никифор.

— Внуков очень любит. Всё время их навещает, подарки носит. Не внуки, говорит, — золото. Всегда здоровы, — ответил детина. — По пути ко мне заскочит да всё и доложит. Ох и хитра!

— А этот разве не догадывается?

— Куда ему? — детина усмехнулся. — Догадывался бы, наверняка бы выгнал.

— Чует моё сердце, боярин гневаться будет, — обреченно вздыхал Никифор.

— Не впервой, — ответил рыжебородый. — Пусть гневается, коль такой гневливый. Мы всё сделали правильно. А что с лыжни сбились, так позёмка мела — любой бы сбился.

— А я думаю — без колдовства опять не обошлось, — возразил Никифор.

— Никифор, вот ты умный вроде бы человек, грамоту знаешь, книги читал, а рассуждаешь как дитя малое. Какая была нужда этим двоим колдовать, если и без всякого колдовства можно обойтись? Если бы они рассчитывали на колдовство, то ушли бы в лес, не дожидаясь снега и метели.

— Твоя правда, Иван, — согласился Никифор, — ты лес хорошо знаешь, мы его весь испетляли, а следов не нашли. Может, колдун с мальчишкой у опушки остались?

— Так мы и опушку всю прошли, а следов не нашли — сам помнишь.

— Понюхай воздух, Иван. Вроде как пирогами пахнет и дымком тянет.

Детина втянул воздух ноздрями. Но ничего не сказал.

Случился момент, когда Никифор смотрел в сторону костра. Но по его взгляду Митька понял, что Никифор смотрит сквозь огонь, а костра, учителя и Митьку не видит.

— Знаешь, Никифор, много мы тут исходили, ничего не нашли, пора бы уже и домой, а куда идти — непонятно.

— Уж не леший ли нас водит?

Онуфрий беззвучно засмеялся, держась за живот.

— Ничего, сейчас дорогу найдём, — рыжебородый повертел головой. — Правильно идём.

Митька обратил внимание, что Онуфрий задал соглядатаям такое направление, чтобы они отклонились от их с учителем лыжни.

Когда тройца удалась, Николай Иванович со значением произнёс:

— Видишь, Митя, как нас Иван Григорьевич уважает.

Митька не понял, почему, если боярин из Разбойной палаты их уважает, так посылает людей следить.

Онуфрий вскоре вернулся, забрал у Митьки пирог.

— Дойдут ещё засветло. Выйдут только не в сам Кемгород, а к Андреевскому. Но это рядом. Умный до чего народ стал! «Не леший ли нас водит?...» Ха-ха!

Взрослые ещё пошутили на эту тему, посмеялись.

— У тебя, я видел, мешочек крапивный есть, — сказал Николай Иванович своему другу.

— Есть. Тебе нужен?

— Нет, мне не нужен. Хочу гостинцев твоим передать.

— Ох и добр ты, Коля! — Онуфрий достал из-под шубы мешок, протянул Николаю Ивановичу. — Мои всегда твоим гостинцам так рады, так рады! Всегда ждут! Спасибо тебе!

Николай Иванович почти все оставшиеся пироги переложил в мешок.

— Уж извини, Онуфрий, хорошо с тобой, весело, но нам ещё дальнюю дорогу идти.

— Никак на Тимошкино болото пойдёте?

Николай Иванович кивнул, поднялся, отряхнул снег. Митька тоже встал. Накинул на плечи короб, который стал совсем лёгким.

— Онуфрий!

— Ась?

— Скажи, ты откуда про любекские марципаны знаешь?

— Откуда? — Онуфрий на мгновение задумался. — А-а-а! Вспомнил! Есть у Вороньей Горки избушка, там мужички шаловливые живут. Добра у них всякого полно. Недавно они поймали купца одного нездешнего, не из нашей земли, он у них в заточении теперь сидит. Отняли у купца шкатулку, а в ней эти марципаны. Мужички пьянствовали — всё съели. Один из них на снег кусок уронил, а я рядом стоял. Попробовал, аж в носу засвербело. Но со шукой пироги лучше.

— Ещё скажи: этот купец нездешний не ругается иногда таким непонятным словом «доннэрветтэр»?

— Как-как? Повтори ещё! — приставил к уху ладонь старичок.

— «Доннэрветтэр».

— Ага. Именно так и говорит, — горячо заверил Онуфрий. — Всё так и говорит, и говорит. Скажет и плюнет.

Учитель, что-то прикидывая в уме, потёр подбородок:

— Это Карл. Вот почему он не приехал! Надо выручать товарища. У Вороньей Горки, говоришь?

14

К вечеру Николай Иванович и Митька добрались до болота. Кое-где на болоте из сугробов торчали низкорослые сосенки. Край болота был отмечен корявыми берёзками. «Наверняка летом здесь полно морошки, тучи комаров и пахнет болиголовом», — подумал Митька, примечая место.

— Тут, Митя, наше богатство. Если б не Карла выручать, подольше бы здесь задержались. Но придётся мимоходом. Вот смотри, — учитель указал на деревце в сторонке.

В сотне шагов от края болота стояла сухая старая сосна. Некогда солнечно-золотистая кора поблекла, местами отваливалась, обнажая серую мёртвую древесину. Несколько отвалившихся крупных веток торчали из снега.

Николай Иванович подошел к сосне, не снимая лыж, скинул с плеч короб, достал из него берёзовое полено — то самое, которое Митька подкладывал под голову, когда спал на печи, и кусок верёвки.

— Я делаю так. Смотри. — Притоптав лыжей снег у сосны, учитель не очень туго обмотал ствол верёвкой как можно ниже и связал концы. Пользуясь слабиной верёвки, он засунул под неё полено. — Вот мы привязали полено к сосне. Полено — это сосуд, в который мы соберём волшебный сок. Для этого нужно кое-что...

Учитель расстегнул верхнюю пуговицу и вытащил висевший у него на шее на кожаном шнурке кожаный же кошелёк с застёжкой на золотистой пряжке. Расстегнул, достал из кошелька красный, размером с ноготь большого пальца, камень. Он был прозрачный, со многими гранями и правильной формы выступами.

— Киноварь, — сказал он и протянул его Митьке.

Митька с трепетом взял в руки камень, погладил пальцами идеально правильные грани, поднёс к глазам. На просвет ничего разглядеть не удалось.

— Проводящий камень, — пояснил Николай

Иванович. — Из всех камней только по нему волшебный сок может перетекать из одного деревянного сосуда в другой. — Очень ценная вещь. Давай сюда.

Учитель положил киноварь на верхний торец берёзового полена.

— Смотри внимательно!

Митька склонился над камнем.

Словно струйки крови, сверху вниз из ствола сосны в берёзовое полено заструилось что-то тёплое. Это Митька так подумал, что оно тёплое — почему-то так ему показалось.

— Как живое! — воскликнул он.

— Молодец, всё правильно увидел, — похвалил Николай Иванович. — Это и есть сок. Больше всего сока в мёртвых деревьях, но есть и в живых. Вон в тех болотных берёзках тоже есть. Но очень густой; медленно перетекает, поэтому там сегодня собирать не будем.

Движение волшебного сока шло довольно долго.

— Сухое берёзовое полено лучше всего подходит для хранения, — продолжал Николай Иванович. — Одно такого полена хватит, чтобы собрать сок с двух-трёх сосен.

— А в мёртвых деревьях сок откуда берётся? — любопытствовал удивленный увиденным Митька.

— Этого не знаю. Но с одной мёртвой сосны сок можно собирать каждый год. И так по два раза лет пятнадцать.

— И что после с этим соком делать?

Николай Иванович усмехнулся, покачав головой:

— Кто что умеет, то и делает. Ни одна волшебная вещь без сока не обходится. Вот ножик твой тоже соком напитан.

— А как этот кузнец Феррари сделал так, что нож своих хозяев режет? Заклинание произнёс? — высказал догадку смысленный Митька, удивленно округлив глаза.

Учитель чуток поправил привязанное полено, чтобы случайно не упало, подмигнул Митьке и начал:

— В том и опасность колдовства, что нет твёрдых правил. Всё делается на глазок. При этом любая ошибка может стать последней. Я думаю, что Феррари вовсе не хотел быть заре-

занным своим же собственным творением. Скорее всего, в тот момент, когда он наделял нож волшебными свойствами, он что-то неправильно рассчитал. Возможно, он хотел сделать так, чтобы нож защищал своего хозяина во время сна, а вышло иначе. — Николай Иванович замолк на мгновение, будто вспоминая что-то, а Митька жадно ловил каждое слово. — Ну, предположим, Феррари сделал нож и по ошибке наделил его не теми свойствами. Вместо «нет» он в нужный момент сказал «да». Ну, или наоборот. Но работа-то сделана, инструмент выкован и усталость налицо. Вместо того чтобы записать, что и как он делал, кузнец решил отдохнуть, выпил кружку доброго вина, закусил жареной на вертеле дичью и — на боковую. А мы в итоге никогда не узнаем, что он сделал не так, где ошибка. Поэтому, Митя, если тебе когда-нибудь доведётся делать волшебные вещи, всегда веди записи. Делай их одновременно с работой, никогда не откладывай ни на завтра, ни на вечер. Помни о тех, кто придёт после тебя. Усвоил?

— Усвоил, дядя Коля.

— После каждого похода в лес я записываю, у каких деревьев я брал волшебный сок. Каждому такому дереву я дал название. Эту сосну я называю Старшей Сестрой.

— Старшая Сестра. И действительно, рядом стоит живая сосна, значит, она — Младшая. Правильно?

— Совершенно верно.

— И ещё. Помнишь, я сказал Ивану Григорьевичу, что ковра-самолёта не существует? На самом деле это не совсем так, — признался Николай Иванович. — Один-единственный ковёр-самолёт был сплетён Хайтхамом, известным колдуном, учеником философа Ибн Хальдуна. Эти люди жили в тех краях, про которые я говорил, что год конным добираться. Так вот Хайтхам сплёл из древесных волокон несколько прочных матов, сложил их один на другой, получилась небольшая твёрдая площадка. Известно, что внутрь неё волшебник поместил стеклянные сосуды с ртутью и ещё что-то.

— Он тоже не вёл записей? — уточнил Митька.

— Вёл. Хайтхам всё подробно записывал в книгу, которую всегда носил с собой. Когда же

ковёр-самолёт был готов, Хаытхам уселся посреди ковра и взлетел. Люди наблюдали, как ковёр уносит колдуна в небесную высь. А он кричит от ужаса и ничего не может сделать, чтобы ковёр опустился обратно на землю. Книга с записями улетела вместе с ним. Очевидно, что полёт Хаытхама следует считать величайшим событием в истории колдовства. Но никто не знает, в чем заключалась его ошибка. Поэтому уже много десятилетий нет желающих повторить его опыт.

— Дядя Коля, а почему вы мне всё это раньше не рассказывали?

Николай Иванович улыбнулся.

— А потому, Митя, что мой ученик только ты, а не Прохор и не Наталья Тимофеевна. Им совершенно не обязательно знать то, что я тебе сейчас рассказываю.

— Дядя Коля, а я вот что подумал... Откуда Иван Григорьевич узнал, что мы в лес пойдём? Недаром он за нами своих людей послал! Правильно я говорю? Ему кто-то сказал! — выпалил догадливый ученик.

— В этом нет сомнений. Кто?

— Прохор!

— Почему же?

— А помните в тот вечер, когда мне саморез достался, Прохор за дверью подслушивал?

— Помню. Однако пора уходить. Во-первых, вечереет. А во-вторых, весь сок из сосны уже перетёк.

Он спрятал камень в кошель, полено — в короб, отвязал верёвку и двинул прочь от болота, Митька следовал за ним.

15

Заночевали в большом шалаше, который будто бы ждал их, укрытый от северного ветра в гуще леса.

Николай Иванович отгребал снег от входа, приговаривая:

— Шалашик мой... Давненько я его поставил...

— Дядя Коля, а вы откуда знали, что здесь надо шалаш поставить?

— Я, Митя, сам знаешь, часто в лес хожу. Вот и поддерживаю. Осенью лапника нового нарубил, дровишек заготовил.

Ночью по очереди жгли костёр. Утром доели пироги и двинулись в путь.

Николай Иванович уверенно вёл Митьку в выбранном направлении. Теперь весь снег покрылся множеством следов — заячьих, белчих, куньих, лисьих, волчьих, птичьих. У стволов деревьев виднелись тетеревиные ямы. Оставалось удивляться, как всё это лесное население умудряется не попадаться на глаза людям.

Немного уставшие и чуть голодные, с двумя недолгими остановками на отдых, дошли до Вороньей Горки к середине дня.

Митька никогда здесь не бывал и про Воронью Горку никогда не слышал. А и горка-то не высока, если это она — маленький пологий холм среди леса. Вокруг местность ровная, а тут вдруг холм.

— Где же избушка? — Николай Иванович спросил вслух как бы самого себя.

— Вон она, — Митька показал рукой туда, где между соснами виднелась низкая засыпанная снегом крыша.

— Молодец! — обрадовавшись, похвалил учитель. — Острый глаз!

Митька был ошарашен такой похвалой.

— Сейчас не торопясь подойдём ближе и наблюдаем, — сказал тихонько Николай Иванович и двинулся вперёд. — Главное, чтобы собак у них не было.

Митька подумал, что собак здесь, скорее всего, не имеется. Уж очень собаки любят лаять на белок. Увидят зверька на ветке — и лают, и лают. Если бы собаки здесь жили, то они с Николаем Ивановичем давно бы их слышали. Значит, хозяева избушки собак не держат. А это неправильно — плохо в лесу без собаки.

Никакие звуки от избушки не доносились.

Подошли ближе, нашли дорожку. Дорожка вела от избушки куда-то в лес. Следы красноречиво говорили о том, что по дорожке не только часто ходят, но и ездят на лошадях. На большой утоптанной площадке перед домом в беспорядке валялись свежие дрова, желтели затоптанные в снег кучки конского навоза, валялись клочья сена. В большую колоду воткнут топор, которым, видимо, кололи дрова. Узкая тропинка уходила между деревьев в лес. По наличию наледи Митька догадался, что

этой тропой ходят за водой к роднику или к ручью. Какое-нибудь хозяйство отсутствовало: ни коровы, ни птицы, ни кроликов.

— Прав был Онуфрий, — вполголоса сказал Николай Иванович, — тут разбойнички и прячутся от глаз людских.

Николай Иванович повёл Митьку вокруг избушки, не приближаясь, однако, к ней. Вскоре наткнулись ещё на одну тропу. Её они не сразу увидели — тропу замело вчерашним снегом. Повернули, прошли вдоль тропы. Дорожка уходила далеко в глубь леса и заканчивалась невысоким снежным бугром. Вокруг бугра на снегу виднелось множество свежих звериных следов, в том числе и крупных. Николай Иванович посохом потыкал в бугор. Под слоем снега чувствовалось что-то твёрдое и тёмное.

— Мертвяки, — сказал Николай Иванович. — Неужели и Карл здесь?

Когда учитель стал рукавицей сбрасывать с бугра снег, Митька зажмурился и на всякий случай закрыл лицо руками. Он так и стоял, пока учитель не сказал:

— Нет здесь Карла. Может, жив ещё. Идём!

Они обошли бугор. Митька намеренно смотрел в сторону.

— Жизнь людскую в грош не ставят, — шептал учитель. — Даже не похоронили по-человечески.

Митька вспомнил свой сон про нарядного бойца с шестопёром. Тот на Митьку тоже смотрел с одной мыслью — как бы убить.

Когда вернулись на прежнее расстояние от избушки, учитель добавил:

— Хотя эти, как знать, может, и не заслужили.

Ощущение того, что они с учителем забрели в страшное место, место, от которого лучше держаться подальше, поселилась в Митькиной голове. Он с опаской озирался по сторонам.

Вдруг из избушки донёсся звук — то ли стук, то ли удар. Что-то загремело. Учитель замер, вслушиваясь. Некоторое время в лесу стояла тишина.

— Спрячься за дерево! — прошептал он.

Митька послушно спрятался за сосну. Николай Иванович тоже прислонился к дереву. Так они наблюдали молча.

Опять донёсся звук, будто бы кто-то кричит, — и вновь тишина. Только лесные птицы

временами взбивали воздух крыльями да сбрасывали снежок с веток. Неожиданно раздался звук сильного удара, дверь избушки распахнулась, и на снег вывалился куль.

Митька от испуга спрятался за сосну.

До него донёсся стон, переходящий в хриплый мужской голос:

— Оберарш! Доннэрветтэр! Их бин беклоппт!

Учитель вдруг соскочил с лыж, провалился чуть не по пояс в снег, бросился бегом к избушке.

— Карл, ты жив! Не ругайся так! Жив, чертяка! Я иду!

Митька выглянул. Куль у дверей шевелился, как огромная гусеница летом. Это был человек со связанными за спиной руками и ногами, да ещё и босой.

Митька не побежал за учителем, а сначала взял его лыжи и посох, лишь затем поспешил к избушке. Уже возле колоды с топором он догнал его.

— О! Николаус! Святая Мария услышала мои молитвы!

«Немец», — догадался Митька.

Николай Иванович вытащил нож и быстро перерезал путы.

— Куда же ты на мороз связанный да ещё босой? Замёрз бы!

— Мальшик, — немец заметил Митьку.

— Это Митя, — представил Николай Иванович.

— Твой ученик. Я помнил — ты говорил. — Немец старательно тёр распухшие запястья и лодыжки.

— Карл, где твои сапоги? — Немец был не только бос, но ещё и легко одет. — Вставай, давай обратно в дом, там теплее. Митя, помоги!

Они помогли немцу подняться. От него дурно пахло.

— Сапоги тю-тю, — пояснил немец. — Они забрала мои сапоги, мой шаубе, мой товар. Они пьют мой вино.

— Кушать мой марципан, — добавил Николай Иванович.

Избушка топилась по-чёрному, от этого в воздухе висел особый запах, от которого Митька давно отвык, — в Кемгороде по-чёрному топили только бани. Очаг в избушке дав-

но потух, но стены сохранили какое-никакое тепло.

— Надень хоть это. — Николай Иванович схватил какую-то одежду и протянул её Карлу. — Митя, сапоги, валенки, лапти — что-нибудь поищи!

— Сапоги... Там в уголь, — с трудом шевелил языком немец.

В углу действительно валялась куча разной обуви. Митька вытащил вроде как подходящие валенки и подал.

— Надо говорить «битте», — сказал немец.

— Надо говорить «данке», — ответил ему за Митьку Николай Иванович.

Митька, ничего толком не понимая, удивлённо посмотрел на обоих.

— Пора бежать! — с тревогой в голосе поторапливал Николай Иванович. — Отсюда до Кемы напрямую не больше двух вёрст. Давай, Карл, пошевеливайся!

— Маковой росиньки... Во рту два дня...

— Хватит ныть, мы тоже голодные!

Только они вышли наружу, как до их слуха долетел конский топот. Вдали за соснами мелькнули лошадь и зелёный возок.

— Бежать в лес, — простонал Карл.

— Куда ж ты без лыж побежишь? Марш назад в дом! — командовал Николай Иванович, выдёргивая топор из колоды. — В засаду и сидеть тихо. Как войдут, так набросимся разом. Ясно? На, возьми топор!

16

Митька с интересом осматривал помещение. В избушке царил беспорядок. Вещей здесь было больше, чем нужно для обычной жизни: сундуки, ковры, бутылки, подсвечники, разная одежда и обувь, в том числе и дорогая. Всё это богатство плохо сочеталось с отсутствием окон и земляным полом.

— Кольдовать, кольдовать! — стонал Карл.

— Что колдовать? — удивился Николай Иванович.

— Я слушала, есть такое колдовство. Превратить их в жабы, в аспидов!

— Змей нам тут только не хватало! — Николай Иванович старался разглядеть в дверную

щель, что происходит в лесу. — Не умею я такое колдовать. И вообще, откуда ты взял, что такое возможно?..

— Дитфрид из Бамберга писал. Это возможно! Надо толко захотеть!

— Дитфрид Бамбергский опровергнут всеми практикующими волшебниками. Ни у кого не получилось.

— Но в его трактате...

— В трактате «О превращениях» он сам писал, что не берётся за перо, пока не выпьет пару кружек пива. А после пива, сам знаешь...

— Да, Николаус. Ты, наверно, прав, — Карл почесал затылок. — А пиво у них очень отличное...

— У нас говорят «очень хорошее», — назидательно поправил его друг.

Немец был хотя и без бороды, но видно, что давно не брит. Под щетиной проглядывало нестарое худошавое лицо, на котором выделялся массивный с горбинкой нос. Узкие бледные губы плотно сжаты. Между носом и губами — красивые пышные усы. Прищуренные глаза внимательно смотрят в дверную щель. Голову венчают торчащие ключьями темные с проседью волосы. Немец всё время сглатывал, отчего кадык постоянно перекатывался под кожей. Так сглатывает только голодный.

«Пряник!» — Митька вспомнил, что в кармане у него остался последний пряник из заработанных в Разбойной палате. Он вытащил его и протянул немцу. Немец, увидев пряник, не раздумывая схватил его и разом откусил чуть ли не половину. Глаза его наполнились благодарностью и слезами.

— Гроссен данк, Митя! — смущенно промямлил он полным ртом.

— Не за что.

Николай Иванович бросил на них взгляд и чуть улыбнулся.

— Что-то я не пойму... — озабоченно сказал Николай Иванович.

— Чего не понимаешь, Николаус? — спросил немец, дожевывая пряник.

— Куда пропала эта лошадь? Ей пора уже быть здесь. В щель её не видно. Копыт не слышно.

— Он уехал утром. Биль очень сердитый. Возьмь мушкет и пули. Много. У них есть три са-

ни: маленькие зеленые с крышей. И такие, чтобы возить дрова, и мои. Мои тоже с крышей и с печкой. И конь мой...

— Помолчи, Карл! Ничего ведь не слышно!

Но тот, будто и не слышал, продолжал:

— Их главный — совсем красивый! — Карл покачал головой. — Женщины таких любят. Волос чёрные, глаз черные, как уголь. Очень крепкий, дорогой кафтан расшит, а зовут его Шах.

— Шах, — прошептал Митька.

— Тише! — Николай Иванович приоткрыл тяжёлую дверь, напряженно прислушиваясь. Снег, сосны, тишина — и больше никого. — Куда же они делись?..

— Бежать в лес! В лес! — настаивал немец

— Много ты по нашим лесам бегал, да ещё зимой, да ещё без лыж! — возмутился Николай Иванович. — Митя! У тебя глаза острые, а ноги быстрые. Пригнись — и бегом к той большой сосне. От неё осмотришь ту часть леса, которая у нас сейчас за спиной. Если никого — подашь знак. Надо выбирать. Всё понял?

Митька, не отвечая, мигом шмыгнул в дверь, согнувшись в три погибели, добежал до сосны, прижался к ней спиной. Осмотрелся — никого. Махнул рукой.

Из дверей выскочили Николай Иванович и Карл с лыжами, посохами и, тоже пригибаясь, примчались к Митьке.

— Сейчас выходим на дорогу. Как можно быстрее бежим к реке, — сообщил план действий учитель. — Митя — вперёд, а мы — за ним. Смотри внимательно, Митя. Если что — беги к нам.

— Ага, дядь Коль!

Быстрым шагом, а порой и переходя на бег, они отправились в путь.

Митька шёл и рассуждал про себя: если лошадь и возок ехали к Вороньей Горке, то куда они делись? Они могли остановиться и стоять, но тогда Митька уже видел бы их. Или возок мог развернуться и уехать туда, куда они сейчас так спешили. Неужели разбойник заметил, как они прятались в домике, и уехал? Может быть, разбойник испугался?.. Таким размышлениям Митька предавался до тех пор, пока не обнаружил свежие следы копыт и полозьев, которые сворачивали с дорожки и уходили в лес. Он остановился и стал вглядываться

вдаль, пытаясь разглядеть возок и лошадь, но так и не увидел. Следы, петляя между деревьями, уходили по снежной целине и терялись.

Николай Иванович и Карл догнали Митьку и тоже остановились.

— Что они забыли в лесу? — удивлялся Николай Иванович. — Наверно, у них там тайник. Ограбили кого-нибудь и теперь везут добро прятать.

— Николаус, уйдём отсюда!

— Да, Карл. Если поспешим, то успеем и за стол, и в баню.

Мысль о еде придала бодрости и прибавила сил.

17

Стучать довелось недолго, Прохор будто ждал, калитку открыл сразу. Вслед за Прохором с крыльца спустился незнакомый Митьке человек.

— Алёша, брат! Каким ветром?! — Николай Иванович крепко обнял мужчину.

— С каргопольцами вашему князю на подмогу, — ответил гость. — На постой к тебе встану. Больше никто не хочет в ваш Колдовской угол, а я решился.

— Смелчак! — с деланным восхищением ответил учитель.

Оба засмеялись, снова обнялись. Полкан радостно гавкал, подпрыгивал передними лапами и звякал цепью.

— Прохор! — позвал Николай Иванович. — Нам бы баньку!

— Истоплена, Николай Иванович. Но сначала новости...

— Говори!

— Сегодня утром на торгу объявили, что князь запретил всякое колдовство. А кто не соблюдёт, тому голову с плеч...

— Этого мы не боимся — колдовством не занимаемся. Что ещё?

— Князь запретил колдовские вещи: шапки-невидимки да всё прочее. Вот и все новости. А Наталья Тимофеевна внуков проведать пошла.

— Очень хорошо. Вот это князь правильно сделал. Давно пора, — сказал Николай Иванович, словно даже обрадовавшись услышанному.

— Прохор, мы в баню, а ты подбери для Карла одежду. Моя будет в самый раз. А то его, вишь, ограбили. И ещё собери ужин в горнице - всё, что есть.

— Сделаю, Николай Иванович, вудьте уверены.

В бане было темно, жарко, пахло вениками. Берёзовые листья прилипали к мокрой коже. Немец кряхтел, но тоже лез на полок.

— Николаус, я видель стрельцов в Белозерске. Все говорят, что великий князь идёт воевать Кемгород.

— Значит, и нам скоро в бой.

— Николаус, я хотел бить чело князю... — начал было Карл.

— Карл, никому не говори, что ты собирался бить чело князю, иначе тебе... — Николай Иванович провёл большим пальцем поперёк горла. — Правильно говорить — бить челом, то есть кланяться. Понял?

— Хотел бить челом, что меня ограбили. Чтобы князь помог найти кражу... Как я ему буду объяснить, что мои вещи не било угрозы?..

Алексей усмехнулся, но ничего не сказал. Николай Иванович закончил хлестать себя веником, слез с полка и поплескал воды на тело.

— Карл, хочу рассказать тебе, что тут у нас творилось, пока ты отдыхал у разбойников... — И Николай Иванович поведал, как они с Митькой помогали расследовать освобождение узников Разбойной палаты в кремле. — А теперь скажи мне, Карл, шапку-невидимку ты привёз?

— Я... я. Две шапки.

— Если кто-то тебя спросит про шапки-невидимки, советую отвечать, что о шапках ты никогда не слышал. В глаза не видел и даже не знаешь, что это такое. Понял?

— Но мой деньги... — пытался возразить Карл.

— А волшебный фонарь для отвода глаз тоже ты привез?

— Я-я! В смысле — не я...

— А что за фонарь? — любопытствовал Алексей, с полка наблюдавший за разговором немца и своего друга.

— О! Шёна латерна! Там пейзажи танцуют очень красивый! — Карл поцокал языком. — Отличный фонарь! Новгородская работа! Глаз не

отвести! Я отдал за него двадцать девять гульденов. О, я есть банкрот!

— Давай, банкрот, полезай на полку! Попарю тебя как следует, да пойдём ужинать. Митя, подкинь-ка ещё жару!

Учитель принялся парить немца, а тот всё кряхтел от жары и удовольствия.

— Что ты ещё привёз, Карл?

— Целый сундук волшебных палочек, — выдохнул между ударами веника немец.

— Зачем тебе столько? — спросил Алексей.

— Они пустые были, — объяснил Николай Иванович. — Он их мне вёз. Я их чудесным соком наполняю.

— Николаус, — подал голос с полка Карл, — разбойники разжигаль ими очаг!

— Ваши палочки, поди, на большее и не годятся! Митя тебе лучины нащеплет из волшебного полена. Вполне сойдёт вместо палочек.

— Лучину никто не купить. Никто не верить в лучину. Им давай красивые палочки, с розами, с черепами, со звёздами. Лучшие резчики год трудились. Я даль много йоахимсталеров. Всё пропаль.

— Не хнычь, Карл. Главное, что сам живой остался. А с нами не пропадешь. Ах, да! Чуть не забыл! Зеркальце волшебное, от которого бабы с ума сходят, не тобой ли привезено?

— Да, Николаус. Откуда ты знаешь?

— Ко мне оно попало, друг мой любезный. Дома лежит, в сундуке.

— О, Святая Мария, спасибо тебе! Николаус, ты его мне вернёшь?

— Как только договорюсь с одной вдовствующей купчихой...

— А ты договоришься? — с надеждой в голосе спросил Карл.

Николай Иванович улыбнулся и молча пошел в предбанник.

— Всё! Всё пропалё! — Немец вылил себе на голову ковш воды.

Дверь открылась, в парную заглянул учитель:

— И это тоже твоё, Карл?

— Что это? Не разгляжу в темноте! О, Святая Мария, спаси нас! Мессершнайдет цих! Они выбросили волшебные ножны. Я им говорить нельзя! Они меня не слушать. Сказаль: старё, — разволновался немец.

— Значит, твой ножичек.

— Мой. Его нельзя оставлять. Он зарежет хозяйина. — Глаза Карла, казалось, сейчас выскочат из глазниц, руки совершали запрещающие движения.

— Успокойся, Карл. Он у нас с Митей уже несколько дней, а мы, как видишь, живы.

18

После долгой прогулки по зимнему лесу нет ничего лучше бани. А после бани нет ничего желаннее сытного ужина. После же ужина хорошо бы забраться на печь да как следует выспаться.

— Митя, ложись! — сказал Николай Иванович ученику и пошёл распорядиться насчет ночлега для гостей.

Митька забрался на жаркую печь, сунул под голову берёзовое полено, потянувшись, блаженно закрыл глаза. Но не тут-то было. С улицы до Митькиных ушей донесся предостерегающий лай Полкана. В ворота кто-то ломился.

Алексей и Карл остались за столом, а Николай Иванович с Прохором пошли выяснять, кто пожаловал. Вскоре дом наполнился топотом и голосами. Вошли четверо стрельцов, боярин Иван Григорьевич и Никифор. Никифор держал в руках свиток бумаги и какой-то сундучок. Вслед за ними в горницу протиснулись и учитель с Прохором — сразу стало тесно. Из открытой двери с улицы потянуло холодом.

— Для тех, кто не знает, я старший подьячий Разбойной палаты Иван Григорьев. Во исполнение княжеского указа требую немедленно передать мне все колдовские предметы, имеющиеся в доме! — стараясь придать своему голосу значимости, проговорил Иван Григорьевич. — Виновные в неисполнении будут заточены в темницу и отданы княжескому суду! А князь нынче не милостив. Всем всё понятно? — оглядевшись в комнате, он смерил взглядом незнакомцев: — Это кто такие? — Иван Григорьевич пристально посмотрел на Карла и Алексея.

Митька заметил, что немец при этом заметно струхнул, побледнел, а рука с пирогом безвольно упала на колено. Алексей, напротив, весело

улыбнулся, поднялся из-за стола, шагнул к подьячему.

— Здравствуй, боярин! — торжественным голосом сказал он. — Я из Каргополя. На подмогу князю вашему прибыл. Здесь на постой встал. Хозяева меня в бане помыли и вот теперь кормят.

Иван Григорьевич показал глазами на дверь:

— Твоя пищаль?

Митька с печи бросил взгляд туда же. В углу возле двери стояла прислонённая к стене пищаль с накинутой на неё перевязью и ещё туго набитая походная котомка с притороченным к ней закопчённым котелком.

— Моя. Нашей каргопольской работы, — с гордостью добавил Алексей. — Легка необыкновенно, а как бьёт!.. Прошлой осенью со ста шагов медведю в глаз попал.

Стрельцы с интересом разглядывали диковинную пищаль.

— А это немецкий купец, — продолжал между тем Алексей. — Его ваши разбойники ограбили.

Карл вскочил с лавки, отвесил поклон, позаморски выставив вперёд носок правой ноги, отведя назад левую руку, а правой выписывая в воздухе перед собой кренделя.

— Карл из Любека, — церемонно сообщил он. — Ехаль в Каргополь. Конёво проехаль, там и напали. Всё забрали: конь, деньги, товар, сани с крышей...

— Это что ещё за невидаль — сани с крышей? — удивился боярин, подняв бровь.

— Возок — по-нашему, — подсказал Николай Иванович.

— Понятно, — кивнул боярин. — Почему одет как русский? Нечто в Любеке на нашу одежду перешли?

— Мою шаубе разбойники забрали, а вамс, фальтрок и штаны стирать надо. Хозяин мне свою одежду дал. Завтра бить чело князю...

— Бить челом! — тихонько поправил Николай Иванович.

— Я-я, бить челом князя, чтобы найти разбойников... Казнить и вернуть деньги и товар, — ступешавшись, продолжал скороговоркой немец.

— Не до тебя сейчас князю, купец! — снисходительно к чудаковатому иностранцу ответил Иван Григорьевич. — Война не сегодня завтра

начнётся, а ты про деньги. Напиши челобитную на моё имя, принеси её завтра в Разбойную палату, отдай Никифору. Никифор — это вот этот парень с бумагой. После войны разберём. Понял? — почти ласково спросил боярин.

— После войны... — Карл печально вздохнул. — Поняль.

— Николай Иванович! Тебе, как имеющему заслуги в раскрытии тайны побега воров из темницы, предлагаю самому выдать все имеющиеся у тебя волшебные штучки. Ну...

— Пожалуйста, Иван Григорьевич! Прошу в мой кабинет. Митя, не спишь? Возьми свечи, иди со мной! Прохор! Накорми стрельцов, пока мы заняты, — распорядился хозяин.

Николай Иванович отомкнул замок на дверях. В кабинете всё оставалось так же, как перед выходом в лес, только прохладно из-за того, что печь не топилась два дня.

— Вещей у нас три штуки, Иван Григорьевич, — Николай Иванович щёлкнул замками на сундуках, откинул крышки. — Митя, свечи ко мне ближе! И зажги лучины.

В кабинете стало светлее.

Никифор молча встал у дверей.

— Вот монисто, — Николай Иванович достал из первого сундука богатое украшение, состоящее из множества золотых монет. — Его принёс мне молодой человек по имени Бекбулат. Думаю, он сосватал у нас в Кемгороде одну барышню и желает сделать ей подарок. Подарок и впрямь хорош. Но молодой человек, видимо, опасается ненароком причинить вред своей избраннице и принёс монисто мне на проверку.

— И как прошла проверка? — спросил боярин без особого интереса в голосе. Задор, с которым он просил Николая Ивановича самого выдать волшебные вещи, вдруг куда-то исчез.

— Колдовских свойств не выявлено. Ждём ещё полнолуния, а вдруг проявятся... Но вряд ли.

— Понятно. Что следующее?

Из второго сундука Николай Иванович достал зеркальце, то самое:

— Зеркало в оправе. До недавнего времени считалось волшебной вещью. Всякая женщина выглядела в этом зеркале гораздо краше. Зеркало это одной видной купчихе подарил не извест-

ный мне ухажёр. Но этот ухажёр, заметив, что теперь его зазноба смотрит не на него, а исключительно в зеркало, взъярился.

— И-и-и?... — всерьёз заинтересовался Иван Григорьевич.

— ...И разбил его. Вдребезги. Вот осколки. — Николай Иванович достал из сундука узелок, положил на каменный столик, развязал. Остатки прежнего зеркала отразили пламя свечей и лучины. — Теперь это обычные осколки, боярин.

Николай Иванович достал белые камешки и разложил вокруг осколков. Камни не светились.

— Мы с Митей заказали новое зеркальное стекло у Данилы Романовича. Вот оно в оправе.

Николай Иванович положил зеркало в оправе на столик и теперь вокруг него разложил камни. Митька ожидал, что камни покажут наличие волшебства. Но нет, камни не реагировали.

«Как же так? — думал Митька. — Неужели учителю не удалось отремонтировать зеркальце?»

— Понял. Дальше! — нетерпеливо бросил боярин.

Николай Иванович снял с шеи ножны на шнурке и протянул боярину.

— Нож-саморез. Я его уже раз показывал. Помните? Берите, только сразу предупреждаю...

— И не просите. Не возьму! — Боярин резко отступил на шаг и сделал движение рукой, отстраняясь от ножа. — Никифор, пиши! —скомандовал он.

Никифор бросился к столу, разгладил бумагу, достал из своего сундучка чернильницу и перо, обмакнув, приготовился писать.

— «Мною, старшим подьячим Разбойной палаты Иваном Григорьевым (запятая), изымается у Николая Иванова колдовской нож с костяной ручкой и ножны к нему, точка». Дату поставь.

После слова «изымается» Никифор обмакнул перо в чернила, но рука у него дрогнула, капля сорвалась с пера и расплылась кляксой на бумаге. Он полез в сундучок, достал песочницу, присыпал кляксу. Руки его дрожали. Николай Иванович с удивлением смотрел на боярина и его подручного. Митька подумал, что боярин ножа брать не желает — опасается, а Никифор почему-то разволновался.

— Пиши следующую бумагу.

Никифор разгладил другой лист. Дышал он глубоко, прерывисто.

— «Мною, старшим подьячим Разбойной палаты Иваном Григорьевым (запятая), колдовской нож, изъятый у Николая Иванова (запятая), в связи с его великой опасностью передаётся на хранение... — Никифор поставил ещё одну кляксу, потряс песочницу, сдул песок на пол. — ... На хранение оному же Николаю Иванову». Дату не забудь.

— А я уж думал ... — Никифор с волнением сглотнул.

— А ты поменьше думай. За тебя есть кому думать. Ты ещё под стол пешком ходил, когда... — боярин вдруг осёкся. — Так, всё сделали. Бывай, Николай Иванович. Обиды не держи. Мне ещё по другим дворам ходить надо.

Так ничего и не забрав, Иван Григорьевич вышел. За ним поспешили Никифор и стрельцы, успевшие перекусить перед уходом.

— А как же зеркальце? — расстроено спросил Митька. Ему стало жалко двух рублей, которые учитель отдал Даниле Романовичу.

— Завтра, всё будет завтра. Иди спать, — загадочно улыбнулся учитель.

19

Митька залез на печь, укрылся одеялом и блаженно закрыл глаза.

— Ну как, забрали что-нибудь? — донесся до его ушей голос Алексея.

— Нет, всё оставили, — Николай Иванович громыхнул лавкой, садясь за стол. — У нас, у колдунов, и забрать-то нечего.

Взрослые за столом ещё долго о чём-то говорили, про больницу Святого Духа, про рыбалку на реке Онеге — Митька не слушал, он погрузился в сон. Митька знал, что сегодня ему приснится что-то особенное...

В устье Кемы было черным-черно от собравшихся здесь стрельцов, пищальников, крестьян и лошадей. Прибыли сюда и татары, а среди них тот самый Бекбулат, что с княжной прогуливался, и его удалые товарищи. Длинный ряд саней с установленными на них щитами — гуляй-город — перегораживал вход в

устье. Перед гуляй-городом городовики пробили проруби, а вынутый из прорубей лёд сложили кучами, создавая тем самым серьёзное препятствие для противника, вздумай он наступать на кемлян в лоб. Дорога, по которой всю зиму ездили купцы со своими товарами, оказалась надёжно перекрыта. Митька всё это видел сверху, будто бы он стал птицей.

Местами в лёд озера городовики вморозили деревянные сваи по несколько штук в ряд. Сваи торчали в рост человека, и Митька не знал, каково их назначение.

На левом высоком берегу Митька разглядел совсем маленькую крепостицу, срубленную из толстых брёвен, окружённую со всех сторон ледяными скатами. В крепостице суетились люди. Митька разглядел два тюфяка, жерлами своими направленные на озеро.

В двух верстах от Кемы в Белое озеро впадала другая река — Ковжа. Сверху Митька видел, что все без исключения деревья по берегу озера от Кемы до Ковжи и по левому берегу Ковжи повалены крест-накрест верхушками к берегу. «Это и есть засека», — догадался он. Люди с самострелами и пищальями, насколько хватало глаз, расположились в лесу вдоль засеки. От крепостицы налево тоже шла засека. Эх, сколько леса зря повалили! Или не зря?..

Вдруг Митька оказался посреди войска. Никто не обращал на него внимания, никто не оглядывался. Большую часть войска составляют крестьяне. Вооружение у них оказалось простенькое: дубины, цепы, сулицы, охотничьи луки и тому подобное. Горожане вооружились гораздо лучше: почти все с пищальями и мощными самострелами, одеты в тот или иной доспех.

Митька заметил знакомые лица горожан: купцы Влас Сергеевич, торговавший книгами и свитками, Андриан Иванович, гонявший обозы с рыбой до самой Москвы, известный уже по стекольным делам Данила Романович и другие, с которыми Митька не был знаком. С ними на бой пришли сыновья и слуги. Митька тихонько поздоровался, но никто не обратил на него внимания, будто бы его здесь и не существовало. Это воинство было одето в доспехи, покрытые сверху дорогой тканью, на

головах шлемы, поблескивающие в лучах солнца на высоком морозном небе. У каждого пищаль. Лица серьёзные, обсуждают что-то.

Князь Семён Васильевич совещался с воеводами, поглядывая из-под рукавиц поверх стен гуляй-города в сторону Белого озера.

— Белозёров силком ведут, — сообщил один воевода.

— Да вот и они, — сказал князь негромко.

Митька проследил за взглядом князя, и, действительно, на озере стала хорошо видна чёрная полоска.

— Велик числом неприятель, — заметил кто-то из княжеского окружения.

— Не думал я, что со своими придётся драться. Эх, много народу побьём сегодня. И наших много поляжет, — тревожно ответил Семён Васильевич. — Давайте, воеводы, распорядитесь! По правую руку неприятель пойдёт.

Когда воеводы отъехали от князя, тот в сердцах плюнул и с досадой вполголоса, чтобы никто не слышал, сказал:

— И ещё крест этот покосился как назло.

В войске заволновались, стали вытягивать шеи, показывать пальцем на озеро — «идут, идут!». Воеводы разъехались в разные стороны и стали отдавать команды. В рядах возникло движение, сначала сумбурное, а затем всё более организованное.

Вдруг среди этой массы людей Митькин взгляд выхватил знакомый серый, расшитый коричневой и золотой нитью кафтан и богатую шапку с меховым околышем. Митька раньше видел этого человека, но не мог вспомнить где. Рядом с этим бойцом стояли ещё четверо крепких мужичков. Эта пятёрка держалась особняком.

А по льду реки продолжали прибывать бойцы, группами и поодиночке, пешие и конные. Митька увидел знакомые розвальни и Зорьку. Сани мчались к месту событий. Правил Прохор, у него за спиной, укутавшись в тулупы, сидели двое — Николай Иванович и ... Митька. Да, Митька увидел себя со стороны. Увидеть себя во сне очень даже интересно и удивительно. Лицо у Митьки, у того, который в санях, было встревоженным.

— Митя, ты отвечаешь за раненых. Понял? —

выходя из саней, сказал Николай Иванович. — Раненых будет много. Езжай до Кьяндицы, там в устье с другими ребятами встанешь. Зорьку попоной накрой, овсом накорми. Сегодня и людям, и лошадям много силы понадобится. Давай!

Учитель и Прохор, одетые в кюяки и хорошо вооруженные, направились к дыку отмечаться в списках. Митька им позавидовал — сами на войну идут, а его назад отправляют.

Противники подошли уже совсем близко.

Впереди вражеского войска шёл многочисленный конный разъезд. Он держался на расстоянии выстрела от берега. Несколько десятков всадников неторопливо двигались на виду у кемлян.

Рядом с Митькой громыхнул выстрел. Облако серого дыма повисло в воздухе. На разъезд выстрел не произвел ровным счетом никакого впечатления.

— Не стрелять! — проревел воевода.

— Не стрелять! — заволновались в рядах войска.

Вслед за разъездом двигался санный обоз. Но Митька пригляделся и понял, что ошибся. Это оказался вовсе не обоз, это был гуляй-город, такой же, как и у князя Семёна Васильевича. Вместе с укреплениями на санях ехали стрельцы. Разъезд промчался дальше, а гуляй-город остановился, развернулся в линию. Митька видел, как вражеские стрельцы выпрягают лошадей, сцепляют сани стальными цепями. Вскоре гуляй-город противника выстроился и немедленно стал заполняться подошедшими войсками. Вражеский гуляй-город оказался гораздо шире кемского.

В кемском лагере принесли котлы с гречневой кашей. От котлов шёл пар и вкусный запах жареных свиных шкварок. Пока противник готовился к наступлению, кемляне перекусывали. Боевой дух войска сразу поднялся, слышались шутки и даже смех.

Вражеское войско прибывало и укрывалось за своими укреплениями.

Едва успели кемляне доесть свою кашу, как с другой стороны донеслись звуки барабанов и труб.

— Началось! Началось! — раздались крики.

— К бою!
— Заряжай!

Вражеский гуляй-город двинулся к устью Кемы. В морозном воздухе разносились громкие команды и ругань вражеских воевод, требовавших, чтобы гуляй-город двигался ровной линией, не изгибался ни в ту, ни в другую сторону.

И тут Митька понял, зачем нужны сваи, вможенные в лёд. Дошедшему до свай противнику пришлось перестраивать сани со щитами, расцеплять их — иначе сваю не обойти. Между щитами появились огромные бреши, вражеское войско оказалось уязвимым. Кемские воеводы этого только и ждали, понеслись команды: «Раздуть фитили!», «Целься!»

Сейчас прохнет — догадался Митька и заткнул уши. Однако это не помогло, он продолжал слышать так же хорошо, как и прежде. Ему вспомнились слова князя Семёна из прежнего сна: «Скажи в крепостице, что с тюфяков хорошо стреляли! Вон сколько намолотили!»

Митьке стало страшно, и он проснулся.

— Это потому, что берёзовый сосуд у него под головой, — на грани сна и яви разобрал Митька слова учителя. — Хорошо просушенный берёзовый сосуд...

— Назовём это эффектус Николауса кемгородского, — предложил Карл.

— Нет, Карл, — возразил Николай Иванович. — Это эффект Дмитрия кемгородского. Это же его сон мы сейчас смотрели.

«Опять мой сон был виден», — догадался Митька.

— Кто такой Дмитрий? — не понял Карл.

— Дмитрий — это Митя. Митя, ты проснулся? — окликнул мастер. — Иди, посиди с нами! — Николай Иванович налил в кружку киселя. — Мы тут твой сон смотрели. Ты уж извини, но пропустить такое нельзя. Очень интересный сон, Карл в нём даже своего обидчика разглядел.

Смущенный Митька слез с печи. За столом его ждали четверо — учитель с братом Алексеем, немец и Прохор. Прохор чуть подвинулся, пропуская Митьку к лавке.

— Когда Митя был чуть младше, познакомился он с одним моим лесным другом. С тех пор,

видимо, ему такие сны снятся, — сообщил учитель.

— Я слышал, кто от лешего живым вернулся, не помнит его, — вставил Карл.

— Пока второй раз не увидит, — добавил Алексей.

— Вот мы с Митей вчера и пошли, чтобы освежить воспоминания. Но не это сейчас важно, — Николай Иванович по-отечески обнял Митю за плечо. — А то важно, что эти сны — вещи. Мы видели не Митин сон, а будущее, такое, каким оно случится. И судя по тому, что мы увидели, случится всё это уже совсем скоро.

За столом повисло молчание. Митька догадался, что для Алексея сказанное не явилось новостью, а вот Карл и Прохор выглядели удивлёнными. Николай Иванович чуток поучаствовал в общем молчании, поразмыслив, и продолжил говорить:

— И мне совсем не нравится то, что случится. Но ход событий вынудит меня взять пищаль и пойти на берег озера защищать княжество. Родину надо защищать. Я здесь вырос, я здесь родился, я катался зимой на ледяных глыбах с высокого берега Кемы. Здесь похоронены мои родители, здесь мой дом. Пойду не я один. Пойдёт даже разбойник Шах.

Мужчины снова помолчали. Нарушил тишину немец Карл:

— Я биль удивлён! — воскликнул он не к месту восторженно. — У нас лесные разбойники воевать не ходят. Они только грабят. Неужели Шах не боялся, что его узнают, схватят и повесят?

Мастер будто пропустил мимо ушей слова Карла.

— ...И Данила Романович пойдёт, — продолжал о своем учитель. — Хотя какой с него вояка! Перезарядить быстро не сможет, нет в нём ни ловкости, ни силы былой. В рукопашной его сразу же убьют. Кстати, о Даниле Романовиче... Мы с Митей к нему на днях заходили, так он интересовался, нет ли такого колдовства, чтобы войну отменить?

— И что ты ответил? — спросил Алексей.

— А что бы ты ответил? — посоветовал Николай Иванович. — Ты не хуже моего колдовское дело знаешь. Скажи!

— Неужели нет такого колдовства? — спросил Карл.

— Нет такого колдовства, Карл. Вот ты жалуешься, что разбойники пустили твои волшебные палочки на растопку. А что ваши колдуны делают при помощи этих палочек?

— Николаус, палочка есть важный атрибут. У каждый волшебник есть череп, или хрустальный шар, или сушёный жук. Но палочка есть в любом случае. Без палочки волшебник как без рук. С ней волшебник зажигать свечу, когда к нему приходит человек. Он видит: свеча зажглась, и верить волшебнику.

— То есть пыль в глаза пускает, — с улыбкой констатировал Николай Иванович.

— Нет-нет, Николаус, — замахал руками Карл. — В приёмных волшебника чисто, пыли нет.

— А погасить свечу волшебной палочкой ваши волшебники могут?

— Волшебной палочкой — нет.

— Значит, и войну остановить не могут. Правильно я рассуждаю? — Николай Иванович вопросительно глянул на немца. — Начать войну легко, с этим любой дурак справится. А вот остановить даже все колдуны вместе не смогут. Правильно я говорю, Карл?

— Не могут, Николаус. Твоя правда, — кивнул немец.

— А мы можем попробовать, — Николай Иванович отхлебнул киселя, вытер губы. — Мы попробуем остановить войну посредством колдовства. И пусть князь на меня обижается, но я не хочу допустить это кровопролитие.

— Я готов помочь, — сказал Алексей. — Что нужно делать?

— И я готов, — возбужденный Карл стукнул кулаком по столу. — Пусть мне отрубать голову!

— Хозяин, только подмигни, — шепнул Прор.

И тут Митька решил встать со своим вопросом:

— А что такое эффектус, эффект?

Николай Иванович улыбнулся.

— Эффект — значит следствие определённых действий, достигнутый результат.

— О-о-о! Малышк подавать одежды! — восхищённо покачал головой немец.

— Не одежды, а надежды, — поправил его Алексей, рассмеявшись.

Митька так и не понял, результатом каких действий явилась очевидность его снов.

20

Высокий терем богатой вдовы Матрёны Андреевны стоял в ряду прочих купеческих теремов, а отличался обилием резных наличников и причелин. Через калитку Митька видел огромный двор, который слуги с усердием чистили от снега. Возле амбара и конюшни звякали цепями огромные злые псы.

— Кто таков? Чего надо? — спросил у Митьки вышедший навстречу огромный русоволосый дядька в мягких валенках, полосатых штанах, вязаной рубахе и овчинной безрукавке. Митьке подумалось, что он наверняка видел этого человека в одном из своих снов.

— К Матрёне Андреевне от Николая Ивановича с посланием.

— Скажи мне, я передам.

Митька помялся, но настоял:

— Нет. Учитель велел самой Матрёне Андреевне сказать, а больше никому.

Дядька пренебрежительно хмыкнул, бросил:

— Жди, — и закрыл перед Митькой калитку.

Прошло совсем мало времени, как этот же мужик, судя по звуку шагов, прибежал, распахнул калитку, запыхавшись, сообщил:

— Ожидают!

Горница светилась теплом и уютом. Матрёна Андреевна, одетая по-домашнему, но нарядно, взволнованно посмотрела на Митьку.

— Ну?

— Учитель велел передать, что сегодня вечером ждёт вас за зеркальцем. И ещё просил передать, что вчера из Разбойного приказа приходил старший подьячий. Он спрашивал про колдовские вещи, обещал голову рубить, если у кого найдут. Но Николай Иванович не выдал.

Растерявшись, Матрёна Андреевна всплеснула руками, сцепила пальцы, прижала к груди:

— Ах, право, не знаю!

Она обернулась к окошку, сделала несколько нерешительных шагов по комнате, села на лавку.

— Как тебя звать, мальчик?

— Митькой.

— Митя, передай Николаю Ивановичу, что непременно приду. Вечером приду. Пусть ждёт. Иди.

Когда Митька уходил, ему показалось, что за дверью скрипнула половица, будто кто-то за ней стоял. А может, и не показалось...

21

— Почему же ты считаешь, что после формулы спокойствия следует воспользоваться огнём, а не чем-то другим? — этот вопрос Николая Ивановича был обращен к Алексею.

Учитель с братом и Карлом с раннего утра заседали в кабинете, разложив на столе книги, листы пергамента с непонятными знаками, обсуждали, как остановить войну. Но ничего у них не получалось. Митька сидел тут же на скамье возле печи и читал «Свойства трав и деревьев в колдовском промысле» Никиты Козельского, с удивлением узнавая о ранее неизвестных ему свойствах растений, которые летом растут во всех дворах Кемгорода, вдоль улиц, в лесу и в садах. Когда Николай Иванович вручал Митьке книгу, наставлял: верить сей книге можно лишь отчасти, хорошо если на треть, а то и на четверть, сам-де разберись — чему верить, а чему — нет.

— Но ведь мы хотим остановить войну! — раздался возбужденный голос Алексея.

Николай Иванович отвечал ему толково и спокойно:

— Да. Мы хотим остановить войну, сделать так, чтобы её вовсе не случилось. А ты предлагаешь огонь. А огонь — это оборона, защита, то есть всё равно война.

— Эх, я не подумал головой! — сокрушённо вздохнул Алексей.

Скрипнув дверью, в кабинет вошёл Прохор с большой охапкой дров. Его появление было как нельзя кстати.

— Прохор! — позвал мастер. — Всю золу, какая есть в доме, собери в медное ведёрко да принеси сюда. И с этой печи тоже собери туда же. Понял?

Грохнув дрова на пол, Прохор ушёл. Вернулся совсем скоро уже с золой.

— Не доводилось мне слышать, чтобы зола волшебству способствовала, — сомневался Алексей, пробуя пальцем серый пепел в ведерке.

— Я поняль! — по-детски радостно воскликнул немец. — Если огонь — это война, то зола — это конец войне! Правильно я поняль, Николаус?

— Нет, Карл, — охладил его пыл учитель. — Зола нужна для другого дела, не для колдовства.

Пока Прохор раздувал угли и растапливал печь, мужчины опять вернулись к обсуждению своего замысла.

— Уже скоро полдень, а мы ничего не придумали, — переживал Николай Иванович, когда очередной вариант оказался неподходящим. — Давайте всё с начала!

Алексей и Карл согласно закивали головами и почесали затылки.

— Условия задачи таковы: сошлись два войска. Грехи у всех отпущены, взыскания сняты, в головах одна главная мысль: как бы побольше врагов убить да самому в живых остаться. Боевитый же ещё мечтает славы сыскать, доблестью своей похвастаться. Многие о жёнах вспоминают, о детях, — сказал учитель.

— Трусливый думает за спинами товарищей укрыться, — добавил Алексей.

— Правильно мыслишь, — одобрил Николай Иванович.

— Некоторый плохой зольдат думает жалованье за убитого товарища получить, — внес свою лепту и Карл.

— Так-с, — мастер на мгновение задумался и спросил: — А воеводы о чем размышляют? Алексей, ты вроде бы на короткой ноге с каргопольскими боярами, а?

— Воеводы думают о выгодном построении, об огнезапасе. О засадах, о том, как перехитрить врага и как самому не быть обманутым...

— И ещё, я считаю, — подводя итог, добавил Николай Иванович, — многие мечтают о том, чтобы нашлась такая сила, которая бы своей властью взяла и отменила предстоящее сражение. Правильно я рассуждаю? — мастер взглядом искал поддержки у друзей.

— Правильно, Николаус, — первым отозвался Карл и удовлетворенно кивнул.

— И если мы применим формулу спокой-

ствия, то даже спокойные в душе воины пойдут сражаться друг с другом... Потому что не нашлось силы, которая бы сражение отменила. Так?

— Так, Николаус, — согласился немец и уточнил: — Но они всё равно станут драться, они обязаны. Формула спокойствия их не остановить.

— И что же делать, друзья-товарищи? Как заставить большинство, не всех, а хотя бы большинство, отказаться идти в бой? Что предпринять?

В комнате в очередной раз повисло длительное молчание.

— Ну, что ж... — Николай Иванович первым поднялся из-за стола. — Если предложений нет, тогда давайте прервемся... Подумаем каждый в отдельности. А после пообедаем. Нос мой улавливает чудесные запахи, долетающие из горницы. Наталья Тимофеевна там что-то колдует...

Алексей, потягивая застоявшиеся мышцы, объявил, что до обеда поможет Прохору во дворе колоть дрова, чтобы самому размяться. С Алексеем напросился и Карл — они отправились на улицу.

— Ну, а ты что же? — спросил Николай Иванович Митьку. — Иди, подыши свежим воздухом!

— Иду. Сейчас, — Митьке оставалось дочитать последний абзац в главе про малину.

«...Также лист малины используется в приворотном зелье как его важная составная часть. Лист сушат на печи, толкут в латунной ступке латунным же пестом и оставляют на хранение в тёмном месте помещённым в льняной мешочек. Хранить следует три года с таким расчётом, чтобы пауки сплели вокруг мешочка паутину. При использовании в приворотном зелье следует иметь в виду, что если паутины вокруг мешочка недостаточно, то приворотное зелье может использоваться как отворотное...»

Митька отложил книгу, ему вдруг вспомнилась Сонька. Она, наверно, уже в Каргополе.

Мороз не велик, да стоять не велит! Алексей секирой наносил точные выверенные удары по чурбакам. Одинаковых размеров поленья падали на снег, немец собирал их и нёс укладывать в поленницу.

— Эх! До чего люблю зимой дрова колоть! — с

запором прокричал Алексей, ни к кому конкретно не обращаясь. — Одно удовольствие!

Полкан, виляя хвостом, с довольной мордой наблюдал за этой картиной, блаженно шурясь под лучами морозного солнца.

Прохор с двумя пустыми вёдрами направился к воротам, походя бросил немцу:

— Карл, кто же так поленницу кладёт! Чудак-человек! Она ж ещё до весны рухнет. Брось дрова на снег, я сам уложу.

Отворив калитку ногой, Прохор вышел со двора.

И тут с Полканом что-то случилось. Громыхая цепью, он бросился к калитке. Шерсть на загривке встопорчилась. Несколько раз он гавкнул так, будто бы это не собака лает, а из пищали палят.

Все, кто был во дворе, бросили свои дела и во все глаза наблюдали за собакой.

Прохор заглянул обратно, окинул пристальным взглядом двор:

— Полкан, что с тобой? Успокойся. Видишь — чужих нет.

Но пёс и не думал успокаиваться. Он подпрыгивал на месте. Рычал на снег, делал вид, будто пытается его укусить.

— Неужели взбесился? — удивленно предположил Алексей. — Митя, скажи Николаю.

— Пусть с мушкетом выйдет! — крикнул вслед мальчику Карл.

Митька бросился в дом, взбежал по лестнице, ворвался в кабинет к учителю.

То, что он увидел, раньше видеть не приходилось. Во сне такое не приснилось бы. Николай Иванович ходил по кабинету, наклонившись к полу, в руках он держал ведро, рукой зачерпывал из ведра золу и пригоршню за пригоршней, стараясь не пылить, рассыпал по полу.

«Что за напасть! — удивился Митька. — Полкан взбесился, да и учитель чудачит! Уж не колдовство ли?»

— Вернулся? — Николай Иванович чуть рассеянно посмотрел на Митьку, будто что-то прикидывая в голове, а потом вдруг скомандовал: — Бегом за печку!

— Там Полкан...

— За печку, быстро!

Митька в два прыжка оказался за печью.

– Сиди там и молчи! – строго приказал учитель. – Понял?

Митька и тут ничего не понял, но послушно согласился:

– Понял, дядя Коля.

22

Из-за печки хорошо была видна только половина кабинета от дверей до каменного столика, а письменный стол и медные сундуки – нет.

Николай Иванович закончил посыпать пол золой и, судя по звуку, устроился в кресле за рабочим столом.

– Сиди тихо! – ещё раз напомнил он Митьке.

Митька счёл правильным не отвечать.

Отворилась дверь в кабинет и тут же, скрипнув, затворилась. Никто не вошёл.

– Ну, здравствуй, Шах, – негромко сказал Николай Иванович.

«С кем это учитель разговаривает?» – удивился Митька и наострил уши.

– За чудесным зеркальцем пожаловал? – продолжал между тем учитель. – Ишь, сразу к сундукам. А в сундуках-то нет ничего.

Хлопнули обитые медью крышки.

– А теперь представь, Шах, что двор плотно окружён стрельцами. И они тебя ждут, – с расстановкой, неторопливо произнес учитель.

– Серьёзно? – это был знакомый голос – негромкий, хрипловатый.

Николай Иванович усмехнулся и продолжил:

– Ну, с какой стати, Шах, мне выдавать тебя людям князя? Сам подумай! Нет там никаких стрельцов. Если будет надо, я и без стрельцов найду способ защитить себя и моих людей. Полкана во дворе видел? Знаешь, кем он был до того, как на цепь попал?.. Расслабься, снимай шапку, садись, поговорим как люди!

– О чём предлагаешь говорить, колдун? Отдай зеркало, и разойдёмся по-хорошему! – ответил голос, в котором слышались нотки нетерпения.

Митька вспомнил: этот голос принадлежал человеку, вручившему ему нож-саморез! Митька потрогал ножны, и у него проснулась гордость за учителя, который нашёл способ сделать так,

чтобы саморез не причинял никому вреда. И ещё Митьке стало ясно, что гость прячется под шапкой-невидимкой.

– О зеркальце поговорим, о ноже-саморезе, о волшебных ножнах к нему, о колдовском фонаре, о шапках-невидимках, о немецком купце, о предстоящем сражении с великим князем, – сказал учитель. – Видишь, у нас есть о чём поговорить.

На некоторое время в кабинете повисла тишина.

– Как ты узнал, что я Шах и что я вошёл? Как ты меня видишь? – спросил голос.

– Можно я не буду отвечать на этот вопрос?

По голосу учителя Митька догадался, что тот улыбается.

– Нет. Это очень важно для меня, – в голосе Шаха слышались просящие нотки.

– Хорошо, скажу, – согласился учитель. – Но сначала давай поговорим.

– Давай, – неохотно согласился разбойник. – Так это ты выкрал у меня немецкого купца?

Шах неожиданно явил себя сидящим на скамье за каменным столиком. Шапка с меховым околышем очутилась у него в левой руке. Митька сразу признал в нём того самого лихого бойца в сером расшитом кафтане и красных сапогах, которого видел во сне про сражение. Того самого – с окровавленным шестопёром. Сейчас шестопёр, чистый и блестящий, был заткнут за пояс.

– Я. Только не выкрал, а освободил, – поправил Николай Иванович.

– И без нечистой силы не обошлось! – Митька уловил в голосе разбойника оттенок обиды.

– Почему ты так считаешь? – осторожно поинтересовался учитель.

– Я возвращался по дороге, по которой до этого ездил много раз. По наезженной дороге, мною самим наезженной, понимаешь! И сбился с пути. Я оказался в лесу. И ещё полдня плутал вокруг да около, пока на избушку свою вышел! Скажешь, случайность?

У Митьки от догадки перехватило дыхание. Это Онуфрий! Онуфрий водил разбойника по лесу, чтобы Митька и учитель с немцем без помех вышли на кемскую дорогу.

– Возможно, – уклончиво ответил учитель,

не разубеждая разбойника, не признаваясь. — Но в любом случае я не враг тебе, Шах, хоть ты и подкинул нам ножичек.

— Но я не хотел!..

— Может быть, может быть, — не дал договорить разбойнику учитель. — Давай-ка, Шах, я расскажу, как мне видится последовательность событий, а ты меня поправишь, если я окажусь не прав. Договорились?

— Валяй, — будто делая одолжение, кивнул Шах.

— Итак, — начал учитель, — первым делом, ваша шайка ограбила любекского купца Карла, а самого его захватила в полон. Так?

— Так.

— У Карла оказался полный возок интересных штучек... Да и сам возок хороший, для холодной зимы пригодный, в таком возке не замёрзнешь. Ещё конь прыткий. А уж товары у купца такие, каких нигде больше не сыскать! Особенно кстати оказалось зеркальце.

— Купец сам сболтнул, что бабы от него без ума. Я его за язык не тянул. Мужик-то что? Мужик в зеркало не смотрится, а если вдруг и посмотрит, так ничего особого не увидит. Я у купца спрашиваю, почему бабы от него без ума? А он отвечает, что в этом зеркале любая баба себя видит молодой и красивой. Вот я и смекнул...

— Зеркальце-то забрал да бегом к Матрёне Андреевне с подношением, — продолжил за него Николай Иванович.

— Знал бы — не поехал, — разбойник тяжело вздохнул.

— А что ж так? — голос Николая Ивановича наполнился ехидством.

— Она лишь раз посмотрелась в это проклятое зеркало, так не смогла оторваться. Что ни делает — всё с зеркальцем. Проснулась — уже смотрится. За стол — как же без него! Во двор — с зеркальцем. На торг — с зеркальцем. — Митька слышал, как Шах в сердцах бьёт ладонью по колену после каждой фразы. — В баню — с зеркалом, в постель — тоже. На меня смотреть перестала. Взгляд бросит и отвернётся. Голова занята только собой, дела забросила. Приказчик к ней явился с отчетом, докладывает, что в Белозерске войско стоит, а посему новых обозов не следует посылать, так она всё мимо ушей пропустила, ручкой

махнула: иди, Михалыч, загружай сани. Тут моё сердце не вытерпело, взял я зеркальце да об пол его! Так она осколки все собрала, в оправу обратно сложила, кошель тугой прихватила да в Колдовской угол помчалась. К Николай Ивановичу! Вот ведь дура!

Шах звонко шлёпнул себя по коленке.

— Возвращаюсь к себе в зимовку, час от часу не легче! Мои ребята перерезаны. Я на немца подумал, но нет — он связанный, и кляп во рту. Я узлы проверил на руках и на ногах — затянуты правильно. Сразу видно, что их Шурка Ноздря вязал. А сам Шурка с ножом в сердце на нарах лежит, будто спит. Спокойный такой!

— А ещё один? — уточнил мастер. — Вас ведь трое в зимовке жило.

— Я у немца допытался, — признался Шах. — Оказывается, Шурка с Трифоном нашли у немца ножик. Трифон ножик себе взял. А ножны старенькие оказались — деревянные, обтянутые кожей. Трифон умел хорошие ножны делать, решил, что завтра новые вырежет, а старые в очаг бросил. Немец сказал им, что те ножны волшебные, что без них этот нож своих хозяев резать будет. Но они смеялись и рот ему тряпкой заткнули, чтобы спать не мешал. Утром Шурка мёртвого Трифона в лес уволок, а ножик отмыл от крови да себе оставил. Дурак! Вот дурак! Кругом одни дураки!

— После этого у тебя не осталось сомнений в волшебной силе ножа. Так? — допытывался учитель.

— Да, — кивнул Шах.

— И ты допросил купца о других товарах?

— Да.

— И у тебя созрел план, — продолжал выстраивать цепочку Николай Иванович. — Во-первых, ты решил отдать нож мне, с таким расчётом, чтобы при определённом раскладе некому стало бы ремонтировать зеркальце Матрёне Андреевне. Так?

Шах в ответ поморщился и неопределённо мотнул головой.

— Во-вторых, ты решил восстановить свою шайку, освободив из темницы колодников. Для этого понадобились шапка-невидимка и волшебный фонарь. Правильно я говорю?

— И дровни, — Шах несколько раз согласно

кинул головой. — Ты рассказываешь так, будто всё сам видел. Опять колдовство?

— Нет, Шах. Какое уж тут колдовство! За колдовство нынче голову с плеч снимают, — усмехнулся мастер. — Вот, кстати, зеркальце это. — Николай Иванович положил на каменную столешницу диковинную вещицу. — Уж только за то, что оно у кого-то есть, теперь казнить будут. Право, не знаю, как это до Матрёны Андреевны донести. Жалко будет, если княжий гнев обратится на её голову.

— Да уж!

— А ведь это ты, Шах, виноват!

— Я? А я-то тут при чём? — возмутился Шах.

— Князь без особой радости получил известие о том, что кто-то в шапке-невидимке да с колдовским фонарём мимо стрелецкой стражи сначала в кремль, а затем в Разбойную палату проник и колодников вывел. Прикинул князь наш Семён Васильевич, что в это беспокойное время, когда враг стоит не за тридевять земель, а совсем рядом — в Белозерске-городе, всякий супостат, вооруженный шапкой-невидимкой или ещё какой-нибудь чудесной штуковиной, запросто в его терем прошмыгнёт и закончится на том земной путь князя. Думаешь, ему этого хочется? — в голосе мастера послышался укор.

Шах только руками развёл.

— Поэтому, Шах, есть все основания думать, что недолго Матрёне Андреевне осталось гулять по белу свету. Ведь если она с зеркальцем даже на торг ходит, то бабы мигом разнесут или уже разнесли. Не так ли?

— Так, колдун. Так, — нехотя согласился Шах.

— Что делать будем с Матрёной Андреевной?

— Я сам с ней всё решу! — решительно заявил разбойник.

— Очень хорошо, — удовлетворенно ответил Николай Иванович, — но это ещё не всё, Шах.

— Что ещё?

— Видишь ли, с немецким купцом как-то неловко получилось. Приехал человек из тридевятого царства, а тут его по миру пустили. Что делать-то будем?

По лестнице в сенях застучали сапоги.

— Судя по звуку шагов, — сказал Николай Иванович, — это стрельцы. Их двое.

— Обманул! — Шах вскочил, потащил из-за порога шестопёр.

— Надень шапку, Шах, и встань к сундукам, — приказал мастер. — Ты мой гость, хоть и непрошенный — не выдам.

Шах надел шапку-невидимку и исчез.

Дверь распахнулась. Двое стрельцов вошли в кабинет.

— Ты Николай Иванов, колдовской починщик, пищальник войска Кемского? — спросил первый из вошедших.

— Да, — ответил учитель.

Второй стрелец, едва переступив порог, громким голосом объявил:

— Войско великого князя выступило сегодня утром из Белозерска, и к вечеру последний обоз прибудет в Мегру. От Мегры до Кемы треть дневного перехода. Самое позднее завтра к полудню их войско выйдет к нашему гуляй-городу. Передовые разъезды сегодня появились в Круглом, но при встрече с нашими стрельцами они боя не приняли и отошли. Князь велит всем пищальникам завтра утром прибыть в устье Кемы с оружием, пулями и порохом. Стрелецкий полк уже там. Понятен ли приказ?

— Всё понятно, ребята, — ответил мастер. — Ступайте. Завтра утром прибуду в устье Кемы с пищалью и огнезапасом.

Стрельцы, грохнув дверью, вышли из кабинета.

— Ни здрасьте тебе, ни до свиданья, — произнёс откуда-то из невидимости Шах. — Я со своими бойцами тоже приду — душа просит хорошей драки. Ты, колдун, не беспокойся. Я, как обещал, с Матрёной всё решу и немцу верну то, что осталось. А теперь говори, что обещал.

— У меня пол золой посыпан, Шах. Самого тебя не видно, но каждый твой шаг...

— Вот ведь как просто! — радостно воскликнул разбойник. — А я-то думал... Ха! Бывай, починщик.

Дверь хлопнула.

— Митя, — позвал Николай Иванович, — ты не испёкся там за печкой? Вылезай!

— Дядя Коля, так вот, оказывается, зачем вы пол золой посыпали!

— И, как видишь, никакого колдовства.

Митьке даже стало немножко обидно, что можно, оказывается, безо всякого волшебства решить эту задачу.

23

На обед Наталья Тимофеевна подала пшеничную запеканку с налиимьей икрой и гречу со свиной грудинкой. Налиимов Николаю Ивановичу привозили из Погорелого. В тех местах ловились особенно крупные.

— Зимние налиимы, во-первых, жирнее летних... — с видом знатока сказал Алексей, отправляя в рот очередную полную ложку.

— А во-вторых?.. — спросил Карл с набитым ртом.

— А во-вторых, зимой налиим идёт на нерест и у него полно икры, отчего запеканка, несомненно, выигрывает.

Митька ещё не разбирался в таких тонкостях, потому слушал с интересом и мотал на ус. Волшебство волшебством, а в простых, жизненных, как говорит Прохор, вещах тоже надо знать толк.

— Как внуки, Наталья Тимофеевна? — Николай Иванович не забывал поинтересоваться у ключницы её домашними заботами.

Пётр, старший сын Натальи Тимофеевны, жил на северной окраине Кемгорода, получившей в народе прозвание Покровское, торговал дровами. Жена Клавдия родила ему троих детей, а сейчас они ждали четвёртого.

— Слава богу, Николай Иванович! Все здоровы. Внуки — золото! Не нарадуюсь.

В сенях хлопнула входная дверь, и быстрые лёгкие шаги застучали по ступеням.

«Васька!» — догадался обрадованный Митька. Он догадался еще и потому, что Полкан не лаял на дворе.

Дверь в горницу распахнулась, на пороге действительно предстал запыхавшийся Васька.

— Здравьете! Хлеб-соль!

— Пообедай с нами, Вася, — как обычно, предложил Николай Иванович.

— Нет. Спасибо, не буду. Там, там Сонька с братьями и папкой-мамкой возвращаются, —

взволнованно зачастил он словами. — Пешком! Одеты странно!

— Пойдём встречать, — Николай Иванович тут же поднялся из-за стола.

Встречать семейство Аарона Соломоновича и Циля Хаимовны вышел чуть ли не весь Колдовской угол. Хозяева постоянного двора выглядели жалко. У Аарона Соломоновича вместо шапки на голове была намотана тряпка, на плечи поверх рубашки накинута рогожка. На ногах вместо валенок кусками гнилых верёвок примотаны пучки соломы.

Циля Хаимовна выглядела несколько лучше: голову покрывала тонкая летняя косынка, под облезшим и расползающимся по швам кроличьим полушубком белела сорочка. На ногах вместо обуви тоже солома.

Сонька, Яшка и Мишка хоть и были в своей обуви, но одеты тоже кто во что, не со своего плеча. Хуже всех выглядел Сеня. Мало того, что одет и обут неизвестно во что, но ещё и всё лицо разбито.

— Прохор, баню! — крикнул мастер, обернувшись к своему двору. — Митя, передай: пусть Наталья Тимофеевна накроет стол на всю эту компанию, — сказал Митьке, который стоял рядом.

Прохор и Митька бросились выполнять указание. Митька услышал за спиной громкий голос учителя:

— Циля, Аарон, ко мне, ко мне! У меня стол накрыт. Сейчас баню растопим. Прошу вас!

Со всего Колдовского угла тётя Маня собрала подходящие вещи, чтобы одеть и обуть несчастных.

«Они ж вдаль собрались, так всё с собой забрали, и одежду, и деньги, и посуду. Неужели к этой тётё — как там её? — Зельде нельзя налегке как-нибудь? — причитала она. — Неужели обязательно явить себя в полном достоянии?» «Может, у них так принято», — предположила тогда Наталья Тимофеевна.

После бани семью Аарона Соломоновича усадили за стол и досыта накормили чем бог послал, напоили горячим клюквенным киселём.

Митька сидел напротив подруги. Отогревшая-

ся Сонька болтала ногами под столом и временами ударяла Митьку по коленкам.

Семён не мог кушать, ему мешали разбитые губы и выбитые зубы.

— Сеня, попей хоть киселя! — беспокоилась Наталья Тимофеевна.

Яшка и Мишка в тепле почувствовали себя хорошо, толкали друг друга локтями, баловались.

Аарон Соломонович налегал на запеканку и гречу, а от грудинки почему-то отказался.

— Добрались мы уже до Черной Слободы, — за трапезой рассказал он. — Всё было в порядке. По пути встретили каргопольский отряд. Заночевали, а на следующий день нам попались разбойнички. Ох и лютые! Всё отняли.

Помолчал, печально опустил глаза.

— Всё! Ничего не оставили: ни лошадей, ни еды. Забрали даже мой талис. С Цили хотели юбку снять.

— Сенюшка не позволил. Милый мой мальчик! — Цили Хаимовна, сидевшая до этого молча, вдруг расплакалась горькими слезами.

Митька не видел раньше, чтобы слёзы такими ручьями могли брызнуть из глаз. Слёзы, как весенние ручейки, текли по носу, по щекам, по губам и подбородку, капали на стол, и на столе образовалась лужа. Цили Хаимовна закрыла лицо ладонями, а слёзы сочились между пальцами, струились по рукам, отчего рукава становились мокрыми. Возможно, с локтей слёзы капали на юбку, но Митьке не было видно — мешали стол и посуда.

За столом все молчали, но молчали по-своему. Аарон Соломонович молчал с таким видом, будто бы он хотел сдержать потоки слёз, но это было не в его силах. Братья Яшка, Мишка и Семён сидели, потупив глаза, и терпеливо ждали, когда всё закончится. Сонька под столом молотила ногами. В уголках её губ затаилась улыбка. Наталья Тимофеевна сидела на скамье возле печи, сложив руки на коленях, и сочувственно качала головой.

Карл тоже молчал — он долго и пристально изучал содержимое горшков и плошек на столе, наконец взял кусок грудинки и принялся его есть.

Алексей пошарил в карманах, извлёк чистую

льняную тряпочку и теперь, видимо, ждал удобного момента, чтобы подать её Циле Хаимовне утереть слёзы.

Лицо Николая Ивановича, напротив, выражало самый живейший интерес. Он внимательно наблюдал за плачущей Цилей Хаимовной, временами поглядывал то на Митьку, то на Алексея. В глазах его появился проблеск радости, будто бы он знал что-то такое, чего больше никто из присутствующих еще не знает.

Плакала Цили Хаимовна долго, но прекратила враз. Отмахнулась от предложенной Алексеем тряпочки, вытерла красное лицо мокрыми рукавами, улыбнулась и сказала:

— Всё хорошо, что хорошо кончается!

— Да, да! — согласились все, закивали головами. Только Сонька перестала болтать ногами и больше никак не отреагировала.

В дверь заглянула тётя Маня, которая ходила обогреть выстуженный дом прибывшего семейства. Она отыскала взглядом Аарона Соломоновича и доложила:

— Печи протопились, в доме тепло.

Аарон Соломонович кивнул:

— Спасибо, тётя Маня!

А затем поблагодарил Николая Ивановича за баню и за тёплый приём, Наталью Тимофеевну — за вкусный ужин, извинился за слёзы жены, скомандовал семейству идти домой.

За окном уже стемнело.

24

Когда учитель что-то делает, то ученику не всегда бывает понятно, зачем он это делает и почему.

Николай Иванович велел Митьке следовать за ним в кабинет, там зажёл свечи и лучины, взял с полки толстую книгу и протянул её Митьке.

— Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии, — прочел учитель вслух титульный лист. — Слова ты всё равно не поймёшь, а гравюры смотри внимательно и запоминай. Понял?

— Хорошо.

«Это почему же я слова не пойму?» — удивился про себя Митька, устраиваясь за каменным столиком. Но, открыв первую страницу, все стало

ясно: вместо знакомых букв в книге были другие — непонятные, из них складывались неизвестные слова. «На другом языке», — догадался Митька.

Не слишком толстая книга могла бы быть раза в два тоньше, если бы не многочисленные гравюры, встречавшиеся почти на каждой странице. Особенно интересными оказались цветные гравюры.

Москва! Вот она какая! Московский кремль оказался гораздо больших размеров, чем Кемгородский. На одной из гравюр художник изобразил его во всех подробностях. Митька насчитал семнадцать башен, семь из них обращены к широкой полноводной реке, через которую перекинут мост. Но река замёрзла, и одни жители города мчатся по льду в санях, другие идут на лыжах. Прямо как в Кемгороде! Внутри этой московской крепости стоят храмы с колокольнями и палаты. Палаты, надо думать, великокняжеские, а ещё там полно домов. За пределами крепости домов ещё больше, столько, что все они на гравюре не умещаются и выходят за её края. Оказывается, в Москве полно каменных храмов, куда народ толпами ходит молиться. А ещё есть множество торговых мест. И вообще, жителей в Москве полным-полно.

Если книга с картинками, то из неё можно узнать много интересного, даже если она написана на другом языке. Теперь Москва предстала пред Митькой как живая. Он зажмурился и представил себе, как это множество людей ходит по широким улицам, ездит верхом и на санях, все чем-то торгуют, разговаривают, спорят, галдят, снимают шапки перед боярами.

— Нагляделся? — Учитель стоял с берёзовым поленом в руке. — Ложись на лавку, полено под голову, как на печи.

Митька послушно улёгся, сунул полено под голову.

— Закрой глаза и представь себе их кремль.

Митька закрыл глаза. Нет ничего сложного представить себе то, что видел на картинке: кремль со множеством башен стоит на берегу замёрзшей реки, караульный стрелец смотрит из бойницы, по льду несутся саночки, трещит мороз, пар валит из лошадиных ноздрей.

— Не открывай глаза, Митя. Я тебя спрошу,

а ты скажешь — это ты представил себе или что-то другое.

— Ага.

— Кремль стоит на берегу, сани и лошади, так? — спросил первым делом Николай Иванович.

— Ага, — подтвердил Митя.

— А теперь представь себе плачущую женщину.

Нет ничего проще представить себе плачущую женщину, когда совсем недавно ты сидел с ней за одним столом. Митька представил тётю Цию, закрывающую лицо руками, и как потоки её слёз, просачиваясь между пальцев, текут по тыльным сторонам ладоней, стекают до локтей. Митька мысленно убрал из этой картинке стол, и стало видно, как слёзы с локтей, будто вода с сосулк, капают на колени.

— Отлично! — восторженно выкрикнул Николай Иванович. — Завтра мы им покажем!

Тут в дверь постучали. Порог переступил Прохор.

— Николай Иванович, тут к вам посыльный.

— Пусти.

В кабинет вошёл тот самый мужик, который не хотел пускать Митьку к Матрёне Андреевне.

— Доброго вечера, — мужик поклонился. — Матрёна Андреевна шлёт письмо Николаю Ивановичу.

— Давай.

Мужик не уходил, неуверенно переминался с ноги на ногу, добавил наконец:

— Матрёна Андреевна просила дождаться ответа.

Николай Иванович взял письмо, развернул, пробежал глазами. Хмыкнул. Утвердительно кивнул головой.

— Что передать Матрёне Андреевне?

— Передай, что я согласен. Ступай!

Дядька удалился.

— Прохор, кликни Карла, — приказал хозяин.

Вошёл немец. Вопросительно посмотрел на лежащего Митьку, на Николая Ивановича.

— Матрёна Андреевна просила меня разыскать хозяина и возратить ему чудо-зеркало. Поэтому, Карл, вот тебе зеркало, и больше не теряй.

— Гроссен данк, Николаус! — немец искренне поблагодарил, приложив руку к сердцу, и отвесил низкий поклон. — Гроссен данк!

«Завтра война, — недовольно думал Митька, — учитель так хотел её остановить, а сам занимается всякой ерундой. То зеркальце возвращает, то мысли воображаемые рассматривает, книги листать заставляет, ужи-нает не спеша...»

25

Митька долго не мог уснуть, всё думал про завтрашнюю войну, почему учитель так хотел её остановить, но ничего для этого не делает.

А с чего делать-то! Учитель каждый день спит по чуть-чуть. Всё из-за этого ножа, будь он неладен! Неужели дядя Коля никакой управы на него найти не может? Наверно, плохим человеком был этот кузнец, который нож изготовил, если нож его же самого первого и убил.

Отдать кузнецу, чтобы перековал, дядя Коля запрещает, потому что перековать нож нельзя. Нож опять появится да и убьёт кузнеца. Наверно, по этой же причине нельзя и сжечь нож? Вот если бы положить нож в кузнечный горн и чтоб он там сгорел дотла! Митька представил себе нож на раскалённых углях, вокруг бушуют языки пламени, он сам качает меха, нагнетает воздух, чтобы горело ярче. Возможно ли это, сгорит ли?.. Кузнецы живут совсем рядом — только пустырь перейти. Эх! Утопить в озере тоже нельзя, ибо нож вернётся и опять же убьёт.

Что же делать?.. Неужели ему с дядей Колей теперь всю жизнь суждено ножом меняться и спать только тогда, когда бодрствует другой? Неужели нельзя что-то придумать?..

Уже когда Митькины глаза закрылись и он пребывал где-то между сном и явью, к нему пришло озарение, как сделать так, чтобы нож никого больше не убил. Это же так просто! Как же он раньше не догадался? Почему такое очевидное решение не пришло ему в голову? Он улыбнулся и пообещал себе, что как только проснётся, так расскажет учителю о своей догадке.

26

— Неужели и Митеньку на войну забираешь? — Наталья Тимофеевна встала поперёк дверей. — Не пущу! Совсем из ума выжил! А если его там убьют?

— Не убьют, — отмахнулся Николай Иванович. — Пирог с чем?

В горнице вкусно пахло горячими пирогами.

— С творогом, с грибами, со щукой, с брусничкой. Точно не убьют? — Наталья Тимофеевна, покинула свой пост и пошла доставать пироги из печи.

— Дядь Коль, а Алексей где? Его пищали нет, — Митька показал пальцем в угол.

— Затемно ушёл с каргопольцами. Они с востока будут прикрывать, если вдруг московские воеводы какую-нибудь хитрость замыслили.

Митька никак не мог вспомнить, что же такое важное он хотел сказать учителю — во сне мысль потерялась.

Вошёл Прохор. На нём была боевая одежда, сумка с пулями, берендейка.

— Там перед воротами возок стоит какой-то чудной. Уж не Карла ли? — спросил Прохор.

— Наталья Тимофеевна, как Карл проснётся, пусть пойдёт да посмотрит, что там перед воротами, — распорядился хозяин.

— Хорошо, скажу. Да вы бы хоть поели! — умоляюще просила ключница.

— Некогда. В дороге поедим. — Николай Иванович сосредоточенно застёгивал куяк, вооружался. — Прохор, тулупы не забыл? Дрова? — повернулся к слуге.

— В саях, Николай Иванович.

— Ветошь — раны перевязывать?

— Наталья Тимофеевна дала.

— Тогда едем! — скомандовал мастер. — Митя, готов?

— Готов! — Митька надевал шапку, валенки и кафтан.

На звёздном небе сияла луна. В саях под сеном Митька нашупал мешок с дровами. Это ещё зачем — воевать же едем?

Выехали за ворота. И действительно, за воротами стоял запряженный возок. Насколько

удалось разглядеть в лунном свете, на коня кто-то заботливо накинул попону и надел сумку с овсом.

— Точно его, — без сомнения в голосе сказал Николай Иванович. — Шах слово держит, повезло Карлу.

Откуда-то из темноты вынырнул Васька:

— Здрасьте! Папка уже уехал. Митька! Тебя взяли в поход?!

— Митя воевать не будет, — строго сказал Николай Иванович. — Вася, видишь возок, будь другом, поставь во двор, распряги, отведи коня в мою конюшню!

— Будет сделано, дядя Коля! — обрадовался Васька.

— Поехали! — велел Николай Иванович. Прохор потянул вожжи.

В городской темноте ощущалась суета. По льду реки в сторону Белого озера двигались люди, дровни, всадники. Найдя подходящий спуск, Прохор вывел сани на лёд.

Утро было морозным, но Митька не мёрз — в тулупе было тепло. Зорька шла быстро. Проезжали знакомые места. Ещё позавчера они втроём с Карлом и учителем, выйдя на реку от разбойничьей избушки, озираясь, спешили к Кемгороду. А сегодня несутся в обратном направлении. Дорога ровная, укатанная.

Проехали мимо родной Митькиной деревни. Два огромных древних кургана возвышались на берегу. Деревенский колдун дед Анисим говаривал: «Расти, Митенька, большим и сильным. Подрастёшь, возьмём мы с тобой заступы да и раскопаем эти курганы». — «Зачем, деда?» — «Я думаю, в этих курганах древние колдуны погребены». — «Деда, а на что нам эти колдуны?» — «Колдуны нам с тобой, дружок, вовсе не нужны, а вот то, что с ними вместе закопано, я думаю, нам будет полезно».

Митька всё глядывался в лица людей, стремясь разглядеть среди идущих на бой родных и знакомых из деревни.

Ехали долго. Стало светать. В утренних сумерках можно было разглядеть уже каждое дерево, а не чёрную стену леса.

— Меньше двух вёрст осталось, Николай Иванович, — сказал Прохор.

— Здесь и свернём, — ответил учитель.

«Так что ж, на войну не поедём?» — подумал Митька.

Сани съехали с дороги, Зорька перешла на шаг, пробивая путь в толстом снежном покрове.

— Хорошо, что наста нет, — заметил Прохор.

Выехали на небольшую полянку.

— Тут и займём оборону, — сказал учитель.

От слова «оборона» повеяло чем-то волнующим. Значит, будем сражаться! Значит, будем стрелять из пищалей! Зададим врагу жара! Пусть не суёт свой нос в чужие земли. Это наша земля!

Из-под сена были извлечены лопаты. Все трое принялись расчищать снег.

— Митя, сбивай снег с ветвей деревьев.

Митька лопатой принялся раскачивать ветви. Комья снега падали вниз, их убирала учитель с Прохором.

— Ничто не должно отвлекать нас, — говорил Николай Иванович. — Хуже всего, Митя, если в самый важный момент снег упадёт с деревьев в костёр или в котелок.

Митька решил, что в бою без костра никак не обойтись — ведь надо же разжигать фитили у пищалей. Но при чём здесь котелок?

Полянка была расчищена, Прохор стал раскладывать костёр из привезенных дров, а Николай Иванович установил жаровню, достал котелок, насобирал в него снега.

— Начальный момент все помнят? — спросил Николай Иванович.

Какой начальный момент? Митька даже догадаться не мог, о чём идёт речь. По взгляду Прохора он понял, что тот тоже не в курсе.

— Выстрел! — напомнил мастер, внимательно следя взглядом, чтобы все его соратники услышали. — Первый выстрел, когда вражеский разъезд будет проходить перед нашим гуляй-городом. Начнём после выстрела. Поняли?

— Поняли, — ответил Прохор за себя и за Митьку, хотя Митька ничего не понял.

— Вот и хорошо, — смягчил тон Николай Иванович. — А сейчас наломаем лапника, чтобы удобней колдовать было.

Колдовать! Значит, учитель собирается колдовать! И это колдовство победит противника. Нет, во сне было иначе: они втроём приехали

к гуляй-городу и Митька был назначен на перевозку раненых. Неужели что-то изменилось?!

Митька не знал, радоваться этому или огорчаться, хорошо это или плохо — то, что они сейчас здесь в лесу что-то замышляют.

Лапника получилось много. Его выложили в ряд толстым слоем. Сверху Прохор набросил тулуп.

— Вот, Митя, твоя постель, — улыбнулся Николай Иванович.

Митька стал понимать, что учитель опять будет извлекать из Митькиной головы видения, но не понял, зачем это делать и зачем это делать именно в лесу. Вообще, много непонятного произошло за последние дни!

В котелке забулькала вода. Николай Иванович из сумки для пуль достал небольшой свёрток — что-то завернутое в тряпицу, протянул Митьке. Свёрток оказался лёгким-прелёгким. Митька развернул. Кусок чего-то непонятного, чуть упругого и совсем не холодного оказался в его руке.

— Что это, дядь Коль?

— Это пробка. — Мастер легонько постучал по ней костяшками пальцев. — В южных странах есть дубы, у которых вместо коры растёт вот такая штука, пробкой называется. В воде не тонет, очень лёгкая и в нашем деле весьма полезная. Прохор, привяжи Мите ко лбу.

В руках у Прохора появился длинный лоскут типа ленты.

— Выпросил у Натальи Тимофеевны раны перевязывать, — пояснил он, прикладывая к Митькиному лбу кусок пробки. — Прижми пальцем, пожалуйста.

Митька прижал ко лбу кусок заморского дуба. Пробка была действительно необычайно легка. Вот бы весной вырезать лодку из такой пробки да пустить по ручью! Нет, во льдинки упираться будет, не проплывёт.

— Туго не затягивай и узел на затылке не делай, иначе лежать неудобно будет. Вообще, узел не делай, просто подоткни, — распоряжался Николай Иванович.

На том месте, где должна была лежать голова Митьки, было уложено сухое берёзовое полено, то самое — волшебное, с печи.

— Пробка будет делать видение большим, очень большим, — пояснял учитель. — Лоскут лучше бы, конечно, если б был шелковым, но что бы мы тогда Наталье Тимофеевне сказали, а?

— Сказали бы, что Флегонт велел, чтобы теперь раны шёлком перевязывали, — со смешком подсказал Прохор.

— Ха! День бы не закончился, а она бы нас уже изобличила да Ивану Григорьевичу весточку послала, — сказал Николай Иванович без тени сомнения.

— Наталья Тимофеевна — согладатай? — удивился Прохор, расширив глаза.

Митька тоже удивился, и было чему...

— Есть некто Иван, — продолжал рассказ Николай Иванович. — Уж не знаю, как он связан с Разбойной палатой, но Наталья Тимофеевна, когда идёт внуков проведать, сначала к нему заходит. Что-то докладывает, а тот дальше передаёт — Ивану Григорьевичу. Это когда мы с Митей на Тимошкино болото ходили, от него самого узнали. Их с Никифором Онуфрий вокруг нас водил, а Иван языком трепал, не подозревая, что мы в двух шагах.

Митька вспомнил тот поход в лес. Действительно, рыжебородый мужик что-то такое говорил, но Митька не понял тогда, о чём шла речь. Вот, оказывается, о чём! Значит, Наталья Тимофеевна всё про учителя сообщает боярину Ивану Григорьевичу! Нет, не сходится! Как же в таком случае она могла боярина мокрым полотенцем отхлестать, когда тот без спросу заглянул в кабинет, а?

— А до этого был случай... Не было дома ни меня, ни Мити, стрельцы к нам нагрянули. Пользуясь тем, что нас дома нет, Наталья Тимофеевна провела подьячего в кабинет. Не знаю, что он там успел увидеть, но тут возвратились неожиданно мы. Как выйти из такого положения? Не в окно же боярину лезть, правда?

— Да он и не пролез бы! — рассмеялся Митька.

— Правильно. Боярин, похоже, растерялся, а ключница — нет. Она его сырым полотенцем — шмяк! Ах ты, такой-сякой, говорит, без спросу в чужие хоромы, и опять тряпкой — шмяк! Лицедеи! Я сначала не понял, думал, что Наталья Тимофеевна на страже, ан нет. Я после того случая кабинет на замок закрываю.

Николай Иванович развязал маленький холщовый мешочек и вытряхнул часть содержимого в кипящий котелок.

— Это кора дуба, — пояснил он. — Обычная.

— А как же вы догадались-то, дядя Коля? — Митьке стало вовсе интересно.

— Не догадался, а заподозрил. Боярин про ножик волшебный спрашивал, а ножик в тот день у тебя на шее висел. Я ножик взял да на столик положил. Вот, — говорю, — смотрите! Что бы вы с Прохором сделали или любой другой нормальный мужик, если бы было предложено ножик посмотреть? Наверняка взяли бы в руки, повертели бы, так? А он не взял! А не взял потому, что знал. Кто ему сказал?

— Точно! Только смотрел, а в руки не брал, — подтвердил Митька.

— Да! — усмехнулся Николай Иванович. Из другого мешочка он достал две коричневые трубочки, понюхал их, смачно выдохнул. — Ах, это корица — кора кустов. Растёт в жарких странах.

Корица тоже последовала в котелок.

— Но всего интересней было смотреть на Никифора, когда тот с подьячим пришли ножик изымать. Никифор был такой бледный! Белее китайской бумаги. Митя, занимай место! Прохор, укрой вторым тулупом.

Николай Иванович достал склянку коричневого стекла и вытряхнул на ладонь что-то мелкое, лёгкое и серое.

— Сушёные комары, — пояснил он, стряхивая комаров в котелок. — Не уверен, но комары тоже должны усиливать рост видения. Карл, кстати сказать, помимо волшебного сока обычно покупает ещё и комаров. У немецких колдунов наши сушёные комары очень ценятся.

— Пусть приезжают к нам в Конёво и всё лето заготавливают, — со смехом сказал Прохор.

Конёво славилось своими кровожадными комарами. Если бы богатство измерялось количеством комаров, конёвские жители, пожалуй, были бы самыми богатыми людьми в мире. Однако в комарах нуждались лишь колдуны, а все прочие от комаров отмахивались.

Совсем рассвело. Над головой стояло ясное морозное небо.

Бабах! Раздался далёкий выстрел.

Митьке даже показалось, что он пусть и с тру-

дом, но расслышал крики воевод: «Не стрелять!»

— Началось, — сказал Прохор.

— Ну, Митя, какой сигнал мы не должны услышать? — многозначительно спросил учитель.

— Не должны? — уточнил Митька.

— Да. Какой сигнал мы не должны услышать?

— Трубы и барабаны, — выпалил Митька свою догадку.

— Молодец, всё правильно понял, — похвалил учитель. — Ну что ж, начнём! Дай-ка пальчик. Это ланцет. В котелке не хватает самой малости — капельки твоей крови.

27

Митька вспомнил и представил себе всё, что просил Николай Иванович, и даже то, что не просил, и кое-что добавил от себя. Во всех подробностях он представил Шаха с окровавленным шестопёром, стоящего против бойца с последней стрелой. Почему-то подробно вспоминал, как смеющиеся кемляне уплетали кашу со шкварками. А когда под конец учитель попросил: «Представь теперь плачущую женщину», Митька вспомнил не только Цилю Хаимовну, но и Соньку, когда её летом испугала большая собака, и маму, которая плакала после смерти бабушки. Над ним в небесной синеве метались какие-то всполохи, но было не разобрать. Митькины уши стали замерзать, однако рёва труб и грохота барабанов они так и не дождались.

— Достаточно, — серьёзным тоном сказал Николай Иванович. — Сворачиваемся, пора уходить. Очень хотелось бы слиться с войском, пока никто нас не хватился.

Прохор в два счета опорожнил котелок, завалил снегом костёр и лапник, засунул лопаты в сани под сено. Митька отвязал пробку от головы, протянул учителю, принялся растирать замёрзшие уши.

Но желанию учителя не суждено было сбыться. Только они уселись в сани, только тронулись, как им навстречу со стороны реки выскочили четыре всадника. Копыта коней взбивали рыхлый снег. На груди войлочных кафтанов блестели пластины брони. На сверкающих стальных шлемах играли солнечные

блики. В Митьку, учителя и Прохора целились сразу четыре ствола.

Всадники ехали ромбом. В первом всаднике Митька узнал Никифора — писаря из Разбойной палаты. Следом за ним, уступом влево и вправо, скакали ещё двое, тоже, наверно, люди Ивана Григорьевича. Сам старший подьячий замыкал этот маленький отряд.

— Попались, — тихонько бросил через плечо Прохор.

— Не признаваться, улыбаться и поддакивать, — хладнокровно вполголоса велел учитель.

Сани остановились, всадники окружили их с двух сторон.

— Колдуете? — грозным голосом спросил подьячий.

— Нет! — хором ответили все трое.

— А что же вы тут делаете? Войско-то там! — Иван Григорьевич плетью указал куда-то в сторону озера. — Или от боя бежите?

— Нет, боярин! — ответил Николай Иванович. — Посмотри-ка, кого мы изловили!

С этими словами учитель протянул Ивану Григорьевичу зажатый в кулак и торчащий из кулака вверх и вниз мешочек с остатками толчёной дубовой коры.

— О боже! — боярин аж отпрянул. — Кто это?

Четверо всадников как один принялись креститься.

— Бесёнок, — спокойным голосом сообщил учитель. — Дорогу нам перебежал, когда мы на бой ехали. Боюсь, не вражеский ли лазутчик! Вдруг у великого князя придворный колдун завёлся?

— Глазищи-то какие злые! — сказал Никифор, глядя на мешочек.

— Ишь, ногами дёргает! — злорадно ухмыльнулся другой писарь.

Прохор хмуро молчал, стиснув зубы. Митька удивлялся, какой колдовской силой надо обладать, чтобы заставить четырёх взрослых серьёзных людей поверить в то, что эта тряпка с корой есть нечто живое, с глазами и дёргающее ногами.

— От самой реки за ним гнались. Но куда ему от лошади да по снегу! Вон следы-то его, посмотрите, — Николай Иванович указал под копыта коней. Там действительно неведомое лесное

существо оставило свои следы. — А на поляне он почувал, что не уйти, и стал в снег закапываться. Пришлось весь снег перекопать.

— Ну-ка, дай-ка его сюда, — Иван Григорьевич слегка толкнул шпорами коня и протянул вперед руку.

— Берите, — Николай Иванович протянул мешочек навстречу. — Только осторожно берите — кусается. Вон Митю за палец хватил. Зубы острые.

Митька продемонстрировал палец с запёкшейся кровью.

— Их специально запускают перед сражением, чтобы сухожилия у боевых коней перегрызали, — продолжал Николай Иванович свои небывлицы, — поэтому держите его осторожно, не дайте себя укусить.

Боярин отёрнул руку.

— Нет, колдун, ты его держишь и дальше держи. Экая мерзкая тварь! Ещё и ругается!

— А что с ним теперь делать? Куда его? Клеток таких нет, чтобы он между прутьями не пролез. В деревянную бочку посадить — прогрызёт.

— Мы его сейчас расстреляем, — решительно сказал боярин. — Привяжите беса к дереву.

— Как прикажешь, — Николай Иванович вылез из саней. — Прохор, есть у нас верёвка? Помоги.

— Верёвки нет, Николай Иванович. Кушак могу дать.

— Давай, Прохор! — крикнул мастер и махнул рукой. — Сочтёмся.

Прохор снял кушак кроваво-красного цвета. Этим кушаком Николай Иванович крепко-накрепко примотал мешочек с корой к стволу молодой сосенки.

— Смотри, смотри! Сейчас вылезет! — встревожился один из писарей.

— Извивается, как гад! — поддержал его Никифор.

— Не дайте ему перегрызть кушак, стреляйте скорее! — поторапливал Прохор.

Оружие у борцов с разбоем было очень серьёзное. Не пищали и не аркебузы — Митька не знал, как называются такие ружья: стволы короткие, дуло — раструбом, замки кремневые. Из разговоров со сверстниками Митька знал, что заряжают их картечью, стреляют с близкого рас-

стояния, почти не целясь, хоть с разворота — промахнуться невозможно. В ближнем бою, особенно в бою с разбойниками, без таких ружьишек не обойтись.

— Ругается! — заметил Никифор. — Ругайся, сейчас мы тебя!

— Целься! Пали! — скомандовал старший подьячий.

Грянул залп, мешочек, кора, кушак и сосенка разлетелись в ключья.

— Вот и всё, — сказал Николай Иванович. — Спасибо, боярин! Мы, уж право, не знали, что с этой тварью делать.

— А какие глаза у него страшные — маленькие, злые! — продолжал делиться впечатлениями один из писарей.

— Ладно, хорош болтать! — Иван Григорьевич хлопнул рукавицей по ляжке. — Там, наверно, уже бой начинается, а мы здесь прохлаждаемся.

— Едем, — приказал учитель. — Прохор, давай!

Всадники, обогнав сани, первыми выскочили на дорогу и умчались.

Митька восхищался смелостью учителя. Это ж надо, колдовать на глазах у боярина, которому предписано с колдовством бороться, а колдунов наказывать, и при этом обманывать самого боярина! Вот это да!

— Обманывать нехорошо, — назидательно сказал Николай Иванович, — очень нехорошо. Но, не обмани я этого служаку, уже завтра мы бы закончили свой земной путь. Так, Прохор?

— Наверняка, — Прохор клацнул зубами.

28

— Ну-у-у, Николай Иванович, ты и вовсе к шапочному разбору! — смеялся Данила Романович, выйдя навстречу приехавшим Николаю Ивановичу, Прохору и Митьке. — Долго спишь!

Войско гудело. В этом гудении Митька уловил и удивлённо-радостный настрой. Иногда до его ушей долетал смех.

— Мы, Данила Романович, по важному делу в дороге задержались. Вот хоть у старшего подьячего Разбойной палаты спроси, очень он нам помог напоследок. Без него, право, не знаю, как

бы и справились, — Николай Иванович вылез из саней, поправил берендейку.

— А что случилось? — улыбка на лице торговца стеклом сменилась тревожной миной.

Николай Иванович подманил его пальцем и громким шёпотом на ухо сказал:

— Бесёнка поймали.

— Кого? — узкие глазки купца враз стали круглыми.

— Бесёнка. Вот такого, маленького. Злющий, глаза ненавистью горят, зубы острые. Митю за палец — цап.

— Ой-ой-ой! — заохал Данила Романович.

— Я его в кулаке зажал — едва держу, изворотливый, как налим. Хорошо, наши борцы с разбоем вовремя успели на подмогу, — Николай Иванович отыскал глазами подьячего и его писарей, мотнул в их сторону головой.

— И где же бесёнок?

— Расстреляли, — шепнул Николай Иванович.

— Ой-ой-ой!

— В ключья. А иначе никак — убежал бы.

Данила Романович стоял, озадаченно качая головой.

— Только ты, Данила Романович, никому ни полслова. Дело важное. Откуда бесёнок этот позади нашего войска взялся, чего хотел сделать, какую пакость замышлял? Гляди, разговоры пойдут — не остановить. А вдруг князю не захочется, чтобы тут про нечистую трепали. У него свадьба на носу, а тут бесенята всякие по дорогам бегают.

— Никому! — пообещал Данила Романович, глядя честным взором прямо в глаза Николаю Ивановичу. — Ужели я не понимаю!

— Вот и хорошо. А что тут у вас происходит, где супостат, чему все радуются?

— Не поверишь, Николай Иванович! — преобразившись, радостно воскликнул Данила Романович. — Ха-ха! Выстроили они свой гуляй-город и замерли. Стоят. Мы стоим, и они стоят. Холодно. Чего ждут — непонятно. Стояли, стояли да и ушли.

— Как ушли? — ахнул Николай Иванович.

— Вот так! Повернулись и ушли, — засмеялся торговец стеклом.

— Испугались или военную хитрость замышляют? Может, обойти нас хотят или выманить?

— Не знаем. Вот и воеводы все озадаченные, — Данила Романович снял с головы шлем, под которым обнаружился стёганный подшлемник.

— Так хоть разок-то стрельнули? — поинтересовался учитель.

— Наши один раз стреляли, но ни в кого не попали. Вот и вся битва.

— Ну-ка я на сани встану, может, чего увижу, — Николай Иванович, осторожно пощупав ногой сено, встал в сани, прикрылся рукой от солнца, долго смотрел вдаль. — Далеко ушли. Скоро в Мегре будут. А что там за всадники скачут?

— Это Бекбулат со своими выскочили. Молодые — кровь горячая, — с ноткой осуждения пояснил Данила Романович. — Князь, говорят, им велел бой не затевать, а лишь проводить противника.

29

Войско великого князя, не задерживаясь в Мегре, направилось прямо в Белозерск.

К вечеру кемские пищальники вернулись в свои дома.

Николая Ивановича, Прохора и Митьку у ворот встречали Васька и Сонька. Перебивая друг друга, они торопливо стали выпрашивать у Митьки про бесёнка, про то, как бесёнок расстреляли, болит ли палец. Оказывается, весь Кемгород уже знал о случае в лесу.

— Нет, не болит. Уже зажило. Вот тут он меня и укусил, — показал палец Митька.

Сонька долго рассматривала палец и изрекла:

— Следовало сразу чистой тряпочкой завязать на всякий случай.

Васька доложил, что Бекбулатов развезд привёз нарочно отставшего от вражеского войска человека по имени Грач, что Грач на самом деле служит князю Семёну Васильевичу и что Грач рассказал, будто бы всему великокняжескому войску было чудесное видение, после которого самый главный воевода повелел прекратить войну с кемским князем и отступить.

Наталья Тимофеевна, обрадованно встретившая мужчин, высказала иную мысль. По её мнению, во вражеское войско прискакал гонец и привёз грамоту от великого князя, в которой сохранился приказ немедленно выступить на за-

пад, дабы встать на пути литовского войска, якобы подступившего к Пскову.

— Мы тут все усердно молились за победу над ворогом, Николай Иванович. Как видишь — пошло, — закончила она свою мысль.

После ужина Наталью Тимофеевну отпустили навестить внуков.

Доедая грибную похлёбку, Карл сетовал:

— Что за город у вас тут странный — нигде пива не продают!

— А зачем тебе пиво, Карл? — Николай Иванович налил ему киселя.

— Хотел выпить за твою победу, Николаус.

— За мою победу? — учитель приподнял брови.

— Только не говори мне, что войско великого князя, которое целый месяц стояло в Белозерске и готовилось к бою, вдруг ни с того ни с сего взяло да и сбежало, как только дошло до дела. Воеводы великого князя по доброй воле никогда бы так не поступили. Значит, что-то их заставило.

— Наталья Тимофеевна же говорит, что великий князь грамоту прислал.

— Так я и поверил твой ключнице! Уже после обед весь город зналь — некий Грач перелетель на эту сторону и рассказаль про страшное видение, явившееся всему московскому войску. А это, Николаус, без тебя случиться не могло. Тогда я и пошёл искать пиво. А когда к вечеру стали рассказывать, что бесёнок укусил мальчика за палец, у меня не осталось сомнений. Ты меня поняль, Николаус?

— Ну что тут возразишь! — Николай Иванович налил и себе киселя.

— Ты, Николаус, поступаешь неправильно, — немец с укором посмотрел на учителя. — Ты делаешь так, что люди начинают верить в бесов, ты поддерживаешь в людях невежество.

— Ну, извини, Карл. Редко, но приходится использовать любовь народа к суевериям. Они мне все уши прожужжали этим покосившимся крестом, этими несчастными воронами. Верят не пойми во что! Но сегодня эти суеверия принесли хоть какую-то пользу.

— Я верил, у тебя не было выбора, — немец повернулся к Митьке. — Митрий! Вот в этом не бери пример с учителя. Поняль? Митрий Кемгородский! Эффектус! Гуд, гуд!

Митька смущённо улыбнулся.

— А во всём остальном бери! Поняль?

— Карл! — учитель пристально посмотрел на немца.

— Что, Николаус?

— Похоже — ты всё-таки нашёл пиво! — Николай Иванович по-доброму улыбнулся.

— Как ты догадался? — Карл изобразил удивление.

— Болтаешь много, — пояснил учитель.

— Это не пиво. Брага. У твоей ключницы есть маленький бочка. Митрий! Знаешь, что значит имя Николаус? О! Я тебе скажу. Это имя происходит от имени древней богини Ники, а Ника — это богиня победы. Значит, Николаус — это победитель. Он сегодня победил целое войско.

— Не я, а мы. Мы вместе это сделали, мы не допустили напрасного кровопролития. Всё, — Николай Иванович поднялся, подводя итог разговора. — Спать. Всем спать. Прохор, завтра баня.

30

Митька долго ворочался на печи — не мог уснуть. Николай Иванович, как всегда, уступил ему право спать первым, а сам пошел в кабинет.

А мешали Митьке спать мысли о событиях прошедшего дня, о том небывалом колдовстве, в котором довелось принять участие и ему самому.

«Эх, нехорошо получается, — думал Митька, — такое великое колдовство сотворили, столько жизней человеческих спасли, столько людей от ранений мучительных избавили, а сами с ножиком фряжским справиться не можем — спим по очереди».

Не так давно Митьке перед сном приходила мысль про ножик, и он даже собирался её сообщить учителю, но наутро забыл всё, что перед сном пришло в голову. Митька стал перебирать в памяти обстоятельства, связанные с ножом, надеясь найти в памяти зацепку, которая позволяла, как ему казалось, сделать нож безвредным. Ему вспомнились шлепок снежка по лбу и рука, протягивающая свёрток. Давно ли это случилось? Ох, как давно! Неделя! Целая неделя прошла.

Николай Иванович изготовил ножны, чтобы носить нож-саморез на шее на верёвочке. А ещё Митька этим ножом щепал лучину. И в лес ходили с этим ножом, к Онуфрию, и чудесную силу переливали из деревьев в берёзовое полено через красный кристалл.

Митька задумался. Что-то подсказывало ему, что разгадка близка, настолько близка, что он, Митька, её знает — знает, но пока не догадался, что это и есть разгадка.

Ему вспомнился Иван Григорьевич, боявшийся взять нож-саморез в руки. Ха-ха-ха, подьячий ещё боялся взять бесёнка кусачего! Митька улыбнулся. Вспомнился Шах, передвижение которого по комнате Николай Иванович определял без всякого колдовства, а лишь по следам, оставляемым Шахом на полу, щедро посыпанном золой. Люди из шайки разбойников не послушали предостережения и поплатились. Надо слушать. Как говорит дед Анисим, подсказки под ногами рассыпаны. Но как определить — что есть подсказка?

А почему камни, разложенные вокруг зеркальца, не светились в тот день, когда подьячий приходил волшебные вещи забирать? Неужели зеркальце утратило волшебные свойства? Почему в таком случае Николай Иванович об этом Карлу не сказал? Непонятно.

Мысли забегали, засуетились, запутались у Митьки в голове.

Ведь зеркало наполнено волшебным соком! Для этого сока в серебряной оправе особая дощечка вставлена, от неё всё волшебство.

Митьке вспомнились слова Николая Ивановича, сказанные им в лесу возле шалаша: «Ни одна волшебная вещь без сока не обходится. Вот ножик твой тоже соком напитан».

Карл вёз Николаю Ивановичу резные волшебные палочки для наполнения их силою, но разбойники пустили их на растопку. Если камни не светились вокруг зеркальца, значит, в зеркальце не содержался волшебный сок. Не мог же Николай Иванович вернуть Карлу неволшебное зеркальце, они ведь с Карлом друзья!

Отгадка пришла неожиданно легко.

Учитель взял киноварь и слил волшебную силу из зеркальца в какое-нибудь из сухих берёзовых поленьев, коих у него в кабинете полным-

полно, — решил Митька. — Поэтому камни вокруг зеркала в тот день и не светились! Подъячий, который знал, как камни реагируют на волшебство, подумал, что зеркальце больше не волшебное, да и ушёл.

Митька вовсе разволновался. Сел на печи.

Если можно слить чудесный сок из зеркала, то почему его нельзя слить из ножа? Точно так же приставить киноварь к полону и к ножу и смотреть, как волшебство перетекает тёплыми потоками, как искрится.

Вот она! Вот эта мысль, которая уже приходила Митьке, но которую он забыл, проснувшись! Надо пойти и сказать учителю.

Митька слез с печи, стараясь не разбудить Карла, похрапывавшего на лавке, шагнул к дверям.

Но ведь учитель умный, если бы имелась такая возможность, он давно бы уже слил всё волшебство из ножа до последней капли и они бы снова жили спокойно, спали бы вдоволь.

Митька постоял у порога, взявшись за дверную ручку, развернулся и полез обратно на печь.

Эх, жаль! А почему всё-таки нельзя?

Надо пойти и спросить у учителя — почему нельзя слить волшебный сок из ножа?.. Митька опять соскользнул с печи, постоял у дверей, подумал, решился.

— Дядь Коль, можно?

— Заходи, Митя. Чего хочешь?

— У меня вопрос. Дядь Коль, а почему нельзя взять киноварь и перелить волшебный сок из ножа в берёзовое полено? Полено будет убивать своего хозяина во сне, да?

Николай Иванович лукаво улыбнулся, подошёл к каменному столику, положил на него нож. Взял с печи полено, положил рядом с ножом. Достал из-под рубахи кошель с киноварью, протянул Митьке.

— Ну, ученик, давай сам!

— Я не умею!

— Ты всё видел. У тебя всё получится. Действуй!

Митька сел на скамейку, пододвинул полено к себе, взял в левую руку нож, в правую — киноварь прижал нож к кристаллу, а кристалл к полону, но ничего не случилось, не заструились тёплые потоки волшебного сока.

Митька вопросительно посмотрел на учителя,

но тот лишь поощрительно кивнул головой, мол, давай дальше пробуй, ищи.

Тогда Митька перевернул проводящий камень. И опять ничего не случилось. Митька поставил полено на торец и вновь попробовал, так и этак поворачивая кристалл. И опять без результата.

Митька почувствовал, что краснеет. Его бросило в жар. Что же он делает не так? Почему не получается? В чём загадка? Митька скосил глаз на учителя.

Николай Иванович сел за стол и стал читать книгу. Весь его вид говорил о том, что он представил полную самостоятельность ученику в решении задачи. И это было хорошо. Митька подумал, что если учитель ведёт себя так, значит, задача решаемая.

Он повертел в руках нож. В ноже нет деревянной части. Дерево есть волшебный сосуд. Где тут дерево? Надо искать дерево! А что, если эта латунная штуковина на конце рукояти снимается? Митька ухватился за неё, потянул ее, pokrutil. Штуковина подалась. Кажется, она называется венцом. С мягким шелчком венец отделился от рукояти, и Митька увидел ровное круглое отверстие, уходившее внутрь. Внутри что-то лежало. И от неловкого движения это что-то выпало на каменную столешницу.

Сучок. Обыкновенный древесный сучок, сухой, лёгкий и твёрдый, как камень. Сучок допрыгал до края стола и остановился.

«Это и есть волшебный сосуд! — ликовал Митька. — Ура!»

Он чуть суетливо опять соединил киноварь с сучком и берёзовым поленом. И вот оно, свершилось! Волшебный сок заструился в красном кристалле из сучка в полено.

— Молодец! — раздался за спиной голос мастера. — Хвалю.

Ладонь Николая Ивановича мягко потрепала Митьку по голове.

Митька совсем смутился. Впервые учитель похвалил его вот так — потрепав по голове. Это была особенная похвала, не такая, как раньше. Тепло и доброта улавливались в голосе мастера. Он как бы признавал Митьку в чём-то равным себе, нет, не по мастерству, не по знаниям — Митька не мог объяснить, но чувствовал, что дядя Коля стал ближе, стал своим.

— Хочешь стать колдуном? — спросил учитель. Выбор исчез мгновение назад, в тот миг, когда прозвучало слово «Молодец!».

— Хочу, дядя Коля! — Митька посмотрел в глаза учителю.

— Иди, скажи всем! Пусть знают.

Митька вылетел из кабинета, проскочил сени, ворвался в горницу.

— Хочу быть колдуном! — А в голове стучало: «Хочу быть таким же, как дядя Коля! Хочу делать добро, спасать от смерти, обращать вспять врагов своей земли!»

— Доннэрветтэр! Феррюкт шюля! — заругался в темноте Карл.

Митька хлопнул дверью и в сенях провозгласил:

— Хочу колдовать! Хочу быть колдуном, как дядя Коля!

Сверху из своих светёлок затопали босыми ногами Прохор и Наталья Тимофеевна.

— Что случилось? — голос Прохора спросонья был хриплым.

— Господи! Что этот дурак с мальчишкой сделал! — причитала ключница. — Надо завтра сходить внучат проведать — всё ли в порядке!

Митька выскочил на улицу. Луна отогнала маленькое облачко и строго взглянула на мальчишка. Босиком по снегу выбежал он на середину двора и, стараясь как можно громче, чтобы слышали в соседних дворах, закричал:

— Я хочу быть колдуном, волшебником, чародеем!

Огромная мохнатая тень кинулась на него, заключила в свои объятия и, громыхая цепью, облизала лицо тёплым влажным языком.

Утром, когда все собрались за столом, появился Алексей.

— Садись за стол, Алёша, — пригласил Николай Иванович. — Сегодня у нас томлёная репа. Ох и хороша! Спасибо, Наталья Тимофеевна.

— Спасибо, брат, — Алексей снял пищаль, берендейку и кафтан, повесил их у дверей, сел на лавку. От него пахло костром.

— А у нас хорошая новость, Лёша. Митя решил стать колдуном.

— Очень хорошо! — Алексей одобрительно посмотрел на Митьку. — Только учись хорошо. Договорились?

— Угу, — Митька смущённо кивнул.

— И ещё, — продолжил Николай Иванович, — летом поеду к саксонцам в Кведлинбург. Дорога дальняя. Поэтому, Митя, летом поживешь в деревне у папы с мамой. Я напишу письмо, пусть тебя дед Анисим научит, чему знает. А знает он ой как много! Скучать не будешь?

— Буду.

Над столом раздался дружный веселый смех.

□

Иван Алексеевич НИКОЛАЕВ

родился в 1964 г.

Окончил Петрозаводский государственный университет

и Московскую государственную юридическую академию.

Живет в Петрозаводске.

